

Ляна Вечер Мёд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785839

0101

Аннотация

Я задираю ему футболку и вздрагиваю:

– У тебя швы разошлись. В больницу надо.

– Нельзя в больницу, девочка, – мужчина дышит часто. – В меня стреляли и, вполне возможно, ищут.

– Ты что-то натворил, да? – мне становится ещё страшнее.

– Я не знаю. Я ничего о себе не помню.

– Оу... Даже как тебя зовут не знаешь?

– Ничего. Совсем, – проводит языком по бледным губам и закрывает глаза.

Я дура, каких поискать – пустила домой незнакомого мужика с дыркой от пули в боку. Не могла бросить его умирать... Но это навсегда изменило мою жизнь.

Он не человек – зверь. И о его прошлом лучше не знать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	79
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мёд

Автор: Ляна Вечер

Пролог

– Костя. Ну, Кость! – Сажу на переднем пассажирском, нервно тереблю край юбки. – Что не так опять?

– Да ни хрена! – Костик за рулём, взрывается. – Какого чёрта ты сюда мотаешься в выходные?! – он кивает на высокий забор, за которым находится конеферма.

Я вздыхаю. Снова этот бессмысленный разговор. Каждый раз, когда я прошу его подвезти меня на конеферму, мы ругаемся. Надоело.

– Я тут работаю, – отвечаю тихо.

– Дин, ты дура или притворяешься?! За работу деньги платят.

– А я волонтёр! – не выдерживаю, повышаю голос. – И мне это нравится! Всё, давай пока, – вылетаю из машины и быстрым шагом иду к проходной.

Не успеваю поздороваться с бабой Машей – нашей администраторшей, у меня звонит телефон. Киваю Марии Петровне и роюсь в рюкзаке – ищу в ворохе вещей смартфон.

Костик. Конечно, кто ещё? Скандала хочет.

– Ну?! – отвечаю на звонок.

– Чо – ну?! У тебя мать уехала на месяц, хата свободна, а ты на конеферму валишь!

А-а-а, вот в чём дело! Как я сразу не догадалась?

– И что тебе от меня надо? – спрашиваю, хотя прекрасно знаю что.

– Трахаться мне надо! – вопит Костик. – Вернулась в машину быстро!

Ничего себе заявочка на победу! У меня дар речи пропадает от такой борзости.

– Никуда я возвращаться не собираюсь, – рычу в трубку. – Мы с тобой расстаёмся!

– Ди...

Я нервно жму кнопку отбоя, выдыхаю. Я человек тихий, неконфликтный. Но Костик заколебал, честное слово! У него на уме только одно...

Да, моя мама сегодня уехала в санаторий на целый месяц, и что теперь? Видимо, я должна забить на все свои дела, улечься на кровать, раздвинуть ноги и сутки минимум их не сводить. Может быть, потом Костя разрешит мне сбежать в душ и снова на сутки в койку. Вот это жизнь!

– С Костей поругалась? – спрашивает баб Маша, протягивая мне ключ от раздевалки.

– Как всегда, – вздыхаю. – Но на этот раз всё.

– Дай-то бог... – тихо бурчит администраторша.

Она думает, я не слышала, но я слышала и полностью разделяю её мнение. Потому что достал Костик!

Захожу на территорию конефермы и топаю в домик для персонала. Переоденусь, помогу накормить лошадей, а там посмотрим.

Работы в «Кони-пони» всегда много, а сейчас особенно. После жёсткого карантина, когда в городе не то что базы отдыха, а даже некоторые магазины не работали, ферма финансово приуныла. Здесь у нас не только лошади – разная живность, и всю надо кормить. А где деньги брать, если посетителей нет? Мы за лето почти ничего не заработали, кое-как на спонсорской помощи выехали.

– Дина! Дина!

Оборачиваюсь – баба Маша бежит ко мне, руками размахивает. Ну как бежит... с божьей помощью и артритом наперевес. Что-то случилось.

– Баб Маш, вы чего? – я так и стою, за ключ держусь.

– Марина тебя к себе вызывает, срочно! – выдыхает администраторша.

Понятно. Уже бегу.

Марина – мировая женщина и моя родная тётя. Она хозяйка этого чудесного места. Если с утра вызывает, да ещё и не по телефону, а через Марию Петровну, значит, что-то серьёзное.

Врываюсь в деревянное здание – местный «ЦУП» – и мчу в кабинет тётки. Стучу в дверь, но слышу, что она говорит с кем-то по телефону. Ладно, не до манер. Захожу.

– Миша, ты сошёл с ума! Куда нам сейчас медведь с огне-

стрелом?! – тётя Марина жестом показывает мне – садись.

Я присаживаюсь в мягкое кресло и растеряно хлопаю ресницами. Судя по всему, на связи Михал Иваныч. Он депутат, филантроп, меценат и генеральный спонсор «Кони-пони». А ещё он давно и безнадёжно влюблён в мою тётю.

– Что случилось? – спрашиваю её без голоса.

Марина машет руками – «Тихо!» – и продолжает говорить по телефону:

– ...Миша, что я с этим несчастным медведем делать буду? Не надо его к нам... А, ты уже везёшь... – вздыхает обречённо. – Да, я поняла. Да-да...

Она завершает звонок и плюхается в своё начальническое кресло. Оно скрипит так, что у меня зубы сводит. Мотаю головой и поднимаю глаза на тётю – она бледная, как поганка.

– Что случилось? – повторяю вопрос.

– Звонит мне Михал Иваныч, говорит – медведя возмёшь? Я говорю – возьму. Он говорит – хорошо, и трубочку кладёт, – тётя Марина округляет глаза. – Я, дурында, думала, он мне на передержку циркового мишку привезёт, как в прошлый раз... – выдыхает, вдыхает.

– Нет? – гну бровь.

– Нет! Я мясо звоню заказываю, и тут Миша по второй линии перезванивает. Говорит – Мариш, ты меня, наверное, не поняла. И я такая – а-а? А он – везу тебе медведя подстреленного.

– Ой... – нервно сглатываю. – Охотники?

– Не знаю, Дин. Ничего пока не знаю. Готовьте клетку, я ветеринару звонить буду.

Глава 1

Я очень стараюсь быстрее подготовить клетку, но не успеваю. Медведя привозят, когда я тащу ведро с водой. И как бы зря тащу – пить он точно не сможет: зверь едва живой, не шевелится даже. Крови – море!

Мишку выгружают из пикапа шестеро мужиков, которых нанял Михал Иванович. Он тоже не курит – помогает тащить раненого и матерится, а мы с Мариной стоим рядом, держимся друг за друга. Тётя моя боится крови, а я не боюсь.

Но картинка – жуть!

Солома, которой я застелила пол в клетке, мгновенно становится алой. Бедный зверь. Есть подозрение, что его не просто подстрелили – издевались с особой жестокостью.

– Ветеринар уже едет, – Марина закрывает дверь клетки, её трясёт. – Миш, отойдём. Не могу смотреть.

Михал Иванович держит мою тётю под локоть – ведёт её присесть на лавочку. Он в камуфляжном костюме, с фляжкой на ремне. Видимо, прямиком с охоты, с «добычей». И пока неясно, повезло той добыче или не очень.

Я разглядываю огромную окровавленную гору шерсти – дышит, но дыхание слабое. Глаза полузакрыты, язык из зубастой пасти выпал. У меня сердце сжимается. В такие моменты мне стыдно, что я человек...

– Дина, иди сюда! – зовёт Михаил.

– Ага, иду... – шепчу – в горле пересохло – и на ватных ногах иду к лавке.

Тётя Марина глотает что-то алкогольное – судя по запаху, из фляжки депутата – и морщится. Не каждый день в «Кони-пони» привозят медведя, да ещё в таком плачевном состоянии. На нерве все.

– Пойду с мужиками расплачусь, посиди с Маришей, – просит меня Михаил Иванович и идёт к бригаде, грузившей мишку.

– Что с медведем случилось? – я присаживаюсь рядом с тётей.

– В Боровках побывал, – она снова глотает из фляжки. – Там у них охотбаза частная. Ну вот... – кивает на клетку. – Привезли туда медведя, выпустили и устроили сафари для богатых клиентов. Они с перепоя его подстрелили, но не добились. Михаил Иванович сегодня к ним приехал кабанов погонять, а они ему предложили медведя... того, – и проводит ребром ладони по своему горлу. – Как развлечение. За деньги. Представь?!

Угу, представляю. Я бросаю короткий взгляд на депутата. Интересно, Михаил уродов уже добил или не стал руки марать – людей своих туда отправит? В любом случае, всем причастным конец.

– Дак я подхожу к зверю, а там месиво! – депутат вернулся, прячет портмоне в нагрудный карман. – И это месиво глядит на меня, а я на него. Как человеку в глаза смотрел.

– Миша! – тётя Марина хмурится. – Перебор сегодня с матом.

– Прости, Мариш, – депутат стыдливо сводит брови.

Михал Иванович – в прошлом резидент мест не столь отдалённых, обладатель наколок, золотого зуба и блатного говора – не выражается при Мариночке. Но иногда на эмоциях случается.

Пока мы обсуждаем живодёров из Боровков, приезжает ветеринар, и всем становится не до разговоров. У медведя пять пулевых. Пять! Причём в стратегически важных для жизнедеятельности местах.

Начинается кипиш. Доктор просит тряпки и чистую воду – бежим я и Марина. Потому что дело к одиннадцати часам, и в «Кони-пони» подтягиваются первые посетители. Баба Маша занята на входе берёт деньги за посещение, конюхи на местах – и всё, персонал фермы на этом заканчивается. Карантин нас сильно подкосил.

У «Кони-пони» неплохой бизнес-потенциал, но надо вложиться. Сейчас это место выглядит как парк и почти контактный зоопарк – хоть весь день гуляй, глазей на животных, морковкой их корми, ранетками. Всё это за двести пятьдесят рублей. Тётя хочет домики поставить и беседки с мангалами. И ещё кучу всего придумала, но денег пока впритык – на корм и зарплату.

Ладно, это всё лирика, а тут практика, и не самая весёлая. У меня реально попа в мыле, я даже переодеться не успеваю

– ношусь в платье.

Тряпки и вода на месте, медведь под наркозом – доктор выковыривает из бедняги пули. А у нас иппотерапия начинается через пятнадцать минут. Сегодня придут трое особенных деток с родителями, и после занятия надо обеспечить им чай с плюшками. Плюшек нет, их надо было заказать с утра.

– Алло, да... – прижимаю телефон щекой к плечу, бегу в домик для персонала. – Булочки французские. Двенадцать штук, пожалуйста.

Заканчиваю разговор с пекарней и вижу на экране смс.

11:21 Костя: Не обижайся на меня, котёнок!

Ой, иди ты в жопу!

Я сую телефон в карман платья, хватаю ещё ветошь и несусь к клетке с медведем.

А там ЧП: любопытная мадам из посетительей решила посмотреть, что тут такое интересненькое происходит. Посмотрела – теперь лежит в обмороке.

Михал Иваныч шлёпает слабоумную по щекам. Помогаю депутату оживить мадаму нашатырем. Спонсор нашатыря – ветеринар. Она не отвлекается от операции – нельзя.

Женщина в себе, но её конкретно шатает. Я увожу её подалее, усаживаю на лавочку и вызываю скорую помощь. Оказывается, у дамочки проблемы с сердцем в анамнезе.

Капец, а не день! Мой телефон снова пиликает – смска.

12:05 Костя: Котёнок, какие на тебе сегодня трусики?

Хлопаю глазами и не верю, что у Костика хватает нагло-

сти... Хватает. Ещё как! В следующем смс он просит меня найти укромное местечко и позвонить ему по видеосвязи. Типа я должна уединиться и поласкать себя на камеру, а он подروحит.

Слов нет! Приличных точно не нахожу.

Вырубаю телефон, сую его в карман – вечером включу, как раз мама должна позвонить, уже из санатория.

Скорая и булочки приезжают одновременно. Я иду по территории фермы, а за мной тянется шлейф сладкого аромата и бригада медиков.

Чую, к вечеру у меня будет дёргаться глаз.

Сажу на куске туристического коврика рядом с клеткой и смотрю на мишку – отходи от наркоза, но медленно. Он похож на лоскутное одеяло – шерсть в местах, где оперировала доктор, аккуратно выбрита. Заштопали его, конечно... Жуть! Но дышит увереннее.

Поить медведя нельзя до завтра, а очень хочется. Губы и нос у него пересохли. Бедненький. Я вытираю собравшиеся на глазах слёзы – ничего не могу с собой поделать. Смотрю на несчастного зверя и рыдаю. Тихо, чтобы его не напугать.

Ой, кажется, глаза открыл!

Подползаю на четвереньках ближе к клетке. Точно – открыл. А моргать сможет? Мой кот после наркоза не мог моргать, и врач говорила, чтобы я делала это за него – пальцами. Вроде, если не помочь, то глаза пересохнут.

Хм, а руки в клетку совать нельзя. И как быть?

Наблюдаю – медведь не моргает. Минуту, две, три... Чёрт, придётся, наверное, нарушить технику безопасности. В конце концов, если он глаза открыть-закрыть не может, значит и мне ничего не сделает.

На свой страх и риск я осторожно просовываю руки между прутьями и с молитвой «моргаю» за мишку. Он не шевелится, но издаёт стон облегчения. И – клянусь! – это почти человеческий вздох! У меня от этого звука мурашки по спине прыгают.

Выдыхаю – меня трясёт так, что зубы клацают. Адреналин – ого-го!

Зубы у медведя большие, острые, и когти с мой палец размером. Он занял собой практически всю клетку, бок шерстяной сквозь прутья выпирает – маловат ему домик.

– Хорошо тебе, увалень? – говорю, чтобы успокоиться, а голос дрожит. – Уже должно быть хорошо, – подбадриваю не то себя, не то зверя.

Пятки кожаные – милые, и не пахнет он совсем. Странно. Обычно от медведей так прёт, что хоть противогаз надевай.

– У-у-у... – жалобно стонет мишка.

Не знаю, откуда знаю, но уверена – он просит меня «поморгать». Я снова сую руку в клетку. Медведь пытается достать языком моё предплечье. Конечно, у него ничего не выходит. Наркоз ещё действует.

– Здесь тебя никто не обидит, – под моими пальцами при-

ятно ходит мягкая шерсть. – Кормить будем вкусно, в просторный вольер переселим. С берлогой, между прочим. Зимовать тебе у нас по-любому.

Если выживешь, конечно.

У меня снова слёзы на глазах. Ветеринар сказала, что шансы у медведя не очень. Он потерял много крови, а переливание у нас на ферме сделать не выйдет. Михал Иваныч рвался оплатить это дело – любые деньги, но, увы, технически невозможно. Везти его в город?.. Скорее всего, мишка не переживёт ещё одну транспортировку.

Глажу, глажу, глажу зверя и... мы встречаемся взглядами. Я сейчас очень понимаю Михал Иваныча. Ощущение, что не дикому животному в глаза смотрю – человеку. Они у косолапого тёплого медового цвета. И во взгляде такое понимание, что до костей пробирает!

Не моргая, смотрю на медведя, и немного дурно от ощущений – голова кругом. Я животных люблю и не первый раз близко вижу мишку, но чтобы настолько осмысленный взгляд... не было.

– Подружились уже? – за моей спиной звучит голос Марины.

Упс... А я тут медведя глажу.

– Простите, тётъ Марин, – встаю с колен, смотрю на неё виновато.

– У меня прощения просить не надо, – качает головой. – Оттяпает тебе руку по самое не балуйся, будешь знать.

Косолапый вздыхает разочарованно, с глубоким таким сожалением. Надеюсь, это не потому что он не успел «оттяпать по самое не балуйся».

– Мишка ещё от наркоза не отошёл. Не двигается даже, – оправдываю я зверя.

– Сейчас не двигается, а через секунду сможет, – упрекает Марина. – Ладно, поехали, я тебя до города подброшу.

– Мне на танцы сегодня, а я уже опаздываю. Можно на студию?

– Можно, – тётя берёт меня под руку.

Мы идём по деревянному настилу к воротам, и мне безумно хочется обернуться, посмотреть на зверя. Грустно ему будет одному ночью... Не оборачиваюсь, потому что мне тоже невесело, и добавлять себе впечатлений я не хочу.

Сажусь в машину к тёте, пристёгиваю ремень безопасности и обнимаю рюкзак. В нём одежда для танцев. Чтобы держать попу в тонусе, я записалась на стрип-пластику. Чисто для себя. Но с Костиком, конечно, вышел скандал. Он жутко ревнивый, просто к каждому столбу... Вспоминаю ту ссору и ещё раз убеждаюсь – не зря я его лесом отправила.

– Поехали? – спрашивает Марина с улыбкой.

– Поехали, – я пожимаю плечами. – Что-то случилось? – выражение лица у тётки довольное.

– На сладкое берегла, – она выруливает из ворот, и мы выезжаем на шоссе. – Михаил сегодня нам не только раненого медведя привёз, но и хорошие новости.

– Да вы что?! – я воодушевляюсь. – Рассказывайте скорее!

– Он выбил для нас дополнительное финансирование, – Марина сияет. – Я теперь могу нанять работников.

– Ого! Круто, тётъ! – теперь и я улыбаюсь.

– Начнём с тебя. Принесёшь завтра документы, оформлю тебя на полставки помощницей конюха и на полставки своей помощницей. Итого целая ставка у тебя будет.

– Но... Э-э-э... Я учусь на очном.

– Не переживай. Работать будешь так же. Ну, почти. Полные дни по выходным и по будням из дома мне помогать с документами. Ты ведь у нас будущий юрист, договоры мне оформить поможешь с подрядчиками.

– Спасибо, тётъ Марин!

А грудь распирает от эмоций! У меня наконец-то появятся собственные деньги, и на заочку переводиться не надо. Я все нервы себе испортила спорить с мамой на эту тему. Мне девятнадцать, хочется работу и зарплату, а мамуля – властная женщина. Никакой заочки – и всё тут! Типа там знаний не получишь.

– Было бы за что благодарить, – Марина подмигивает мне. – Но документов будет много. Миша из личных средств выделяет деньги на постройку домиков и беседок. Расширяемся.

– Офигенные новости!

– Не знаю даже... – тётя тяжело вздыхает. – С одной стороны – ферме это нужно, а с другой – я Мише теперь обязана

больше, чем обычно.

– Михаил Иванович вам совсем не нравится как мужчина?

– Дина, блин! Вот что ты сейчас лягнула, а?!

– Что?! Он за вами уже два года ухаживает. Замуж звал.

– Замуж выйти много ума не надо, Дианочка. Это влёт.

Только что после свадьбы будет – никто тебе не скажет.

– Волков бояться – в лес не ходить, тётъ Марин.

– Вот ты сопля! – хохочет она. – За Мишу меня, значит, сватаешь?

– Хороший мужчина и вас любит.

– Кхм... – у тётушки розовеют щёки. – Про любовь в нашем возрасте говорить не принято.

Добить её ещё одной крылатой фразой – про любовь, все возрасты и покорность? Не, не стану. Всё равно она за Михаила замуж выйдет. Он настойчивый.

До города едем молча. У каждой свои мысли. Тётя наверняка думает про уместность белого платья в её возрасте, а я не могу избавиться от мыслей о мишке. Скоро он отойдёт от лекарств, и станет ему больно. Завтра я встречусь совсем с другим медведем... с агрессивным. От боли добрее не делаются. Зверь есть зверь.

Глава 2

С урока стрип-пластики я благополучно сваливаю минут через двадцать после начала. Сегодня разучивали новые движения, а у меня вместо них в голове раненый медведь.

Как он? Больно ему? Может, пить хочет?

Я даже сторожу собиралась звонить, но телефон включать побоялась – там наверняка партия новых тупых смс от Кости. Представить страшно, что он понаписал. Только включать смартфон всё равно надо...

Врубаю и быстро ищу мамин номер. Телефон начинает пищать принятыми сообщениями, но я прижимаю его к уху – ничего не вижу. Нет-нет-нет!

– Мам, привет. Как добралась?

– Нормально, – в её голосе металл. – Почему у тебя телефон был выключен?

Ч-чёрт... Сейчас начнётся.

– Батарейка села.

– Не ври. Вы с Константином поругались, вот ты и выключила телефон. Я ему звонила.

– Зачем?!

– Затем! Я волновалась.

Мама единственная из моего окружения, кому нравится Костя. Это она нас познакомила, а потом настояла, чтобы я приняла его ухаживания. Костик из хорошей семьи – желез-

ный аргумент. Мне иногда кажется, что если я приду к маме с фингалом под глазом и скажу, что это Костя меня ударил, она пожмёт плечами и ответит: терпи, доча, он из хорошей семьи.

– Мам, я больше не буду выключать телефон, а ты, пожалуйста, не звони Косте. Мы расстались.

– Вот как? И чья была инициатива?

– Моя. Я не хочу с ним встречаться. Достал.

– Диана, тебе девятнадцать, третий курс университета идёт. Пора задуматься о будущем.

Перезову: Диана, часики-то тикают.

– Мам, мне всего девятнадцать, и замуж ближайшие лет пять я не собираюсь.

– На моей шее сидеть будешь? – мама не дробит.

– Тётя Марина официально берёт меня на работу, так что с твоей шеи я уже почти слезла.

– Не поняла, а как же учёба? Дина, я не разрешала тебе уходить с очного! – мама переходит на ультразвук.

– Не кричи! С очного я не ухожу. Мы выстроили график так, что я буду всё успевать.

– Ой, не надо мне рассказывать! Марина твоя та ещё... – она сдерживает грубое слово. – Открывала конеферму с элитными жеребцами, а по факту – богадельня для животных. Самой жрать нечего, ещё ораву эту кормит. С работой твоей такая же история будет. Пообещала Марина одно, но на деле, Дина, ты увидишь совсем другое.

Тётя Марина – сестра моего отца. Родители развелись лет десять назад, но у мамы до сих пор подгорает. Она ненавидит бывшего мужа и всю его родню.

– Я не хочу с тобой ругаться, – выдыхаю. – Как комната, хорошую дали? – перевожу стрелки.

– Отвратительная комната, – фыркает. – Клоповник натуральный. Ладно, мне пора идти, а ты чтобы завтра же помирилась с Константином. Поняла?

– Поняла, но не приняла.

– Дина!

– Я вообще номер сменю нафиг.

– Совсем от рук отбилась...

– Завтра созвонимся.

Нажимаю клавишу отбоя и смотрю на экран – смс Кости зашкварного содержания. Зачем я это прочитала?! Как это развидеть теперь?! Он пустил в ход самые тупые из своих эротических фантазий. Наверное, хотел меня возбудить. Но что-то от «Хочу отыметь тебя раком в сортире торгового центра» и «Возьмёшь в рот моего малыша, киса?» трусики у меня не намокли. У Костика интеллект на уровне дворового кобеля, которому ничего, кроме течных сук, не интересно.

Настроение – минус ноль. Чёрт, ещё домой на метро тащиться...

...Дома меня хватает только на то, чтобы скинуть с ног кеды, разогреть макароны и завалиться на диван. Лежу. На

животе тарелка спагетти без никто – к ним даже вилка не прилагается. Забыла в кухне. Тяну по одной макаронине и смотрю какой-то сериал. Неинтересный.

В мыслях снова раненный мишка. Как он там?

Вздыхаю, облизываю пальцы и ставлю фильм на паузу. Буду звонить сторожу. Фёдор у нас конюх и по совместительству дежурит на ферме по ночам. Он в «Кони-пони» живёт. Бомжом когда-то был... с двумя высшими образованиями. Марина его из лап синьки вытащила, отмыла, отчистила и на работу взяла. Федя ей в отцы годится, а мне в деда, но называть по имени-отчеству его нереально. Очень душевный дядька – простой и компанейский.

– Федь, привет. Ты медведя смотрел? – спрашиваю и волнуясь очень, даже ладошки вспотели.

– Только что от него вернулся. Живой, – отчитывается сторож. – Я ему водички оставил в миске. Пока не встаёт, но мордой достанет, если что.

Ещё рано воду давать, но жалко жаждой зверя мучить. Не возмущаюсь.

– А вообще как он? Поживее хоть?

– Дин, ночь на дворе – спит твой медведь. И ты спать ложись.

– Ладно, – улыбаюсь чему-то. – Спокойной ночи.

На душе становится немного легче – спит мишка, а сон – лучшее лекарство.

И чего я так переживаю? На ферму часто привозят жи-

вотных, некоторых тупо подкидывают под дверь проходной. Многие из них больные или покалеченные. Не впервой. Но мишка этот прям в душу мне запал.

Спать не хочется, сериал не пошел, и я решаю скоротать время с книгой. Захожу на сайт, где обычно читаю онлайн – всё, что было куплено, уже затёрто до дыр, и я иду искать что-нибудь в новинках. Хочется сказку – отвлечься от реальности, снять стресс. Парадокс, но всё, что я нахожу – это книги про медведей, а так как я роюсь в фэнтези – книги про медведей-оборотней.

Не зря говорят: о чём думаешь, то и видишь. Везде, во всём.

Я вспоминаю медовые глаза мишки и его взгляд... человеческий. А что если этот медведь тоже оборотень? Фантазия уносит меня далеко-далеко – в мир, где такое возможно.

Эх... Люблю сказки. Жаль, что в реале им нет места.

С чтением тоже не прёт. Я снимаю сериал с паузы и закрываю глаза – под глупые фильмы спится крепко...

...Просыпаюсь от звонка. Шарю рукой по дивану, нахожу сотовый – это не он орёт. Но что тогда? Открываю один глаз – сериал всё ещё идёт, а звонят в дверь. На часах половина шестого утра. Серьёзно?

Сажусь, и на ковёр летит тарелка с недоеденными макаронами. Ч-чёрт... Смотрю на это дело, а в груди начинает вертеться паника. Кто-то ломится ко мне в половине шесто-

го утра!

Я крадусь в прихожую и, не дыша, прилипаю к глазку. Елки-палки! Это Костя!

– Чо тебе надо?! – рычу, дождавшись перерыва между воплями дверного звонка.

– Котёнок, это я! – радостно сообщает.

– Я вижу, блин!

– Открой, пожалуйста.

– Нет. Уходи.

– Котёнок, я тебя люблю, – мурлычет, прижимаясь щекой к двери, и наглаживает её.

– Кость, иди отсюда.

Вырубаю свет в коридоре и топаю убирать макароны с ковра. Пока я веником собираю спагетти, Костик пытается довести меня до обморока – палец с кнопки звонка он не убирает. Уже соседи тактично стучат по батарее, а Константин не понимает.

– Что тебе надо?! – шиплю в замочную скважину.

– Я тебя хочу, – томным эротичным басом с хрипотцой сообщает он.

– А я тебя – нет! – не оставляю шанса герою-любовнику. – Вали, а то ментов вызову!

Костя ржёт. Смешно тебе, да? Он думает, я не позвоню в полицию. Позвоню!

Набираю три цифры и громко, с надрывом в голосе сообщаю дежурному, что ко мне в квартиру ломаются. Называю

адрес, жму отбой и смотрю в глазок – на площадке пусто.

Ух, ты – сработало! Ушёл Константин. Я выдыхаю, но рано.

05:55 Костя: Выйди на балкон, котёнок.

Боже мой, что он там придумал?!

С нехорошим предчувствием выползаю на лоджию, смотрю вниз и офигиваю. Костик стоит с огромным букетом красных роз, на асфальте огнём полыхает фраза – «хочу тебя», а из салона его машины доносятся басы и речитатив – бодрый рэпчик. Доброе утро, соседи!

Я придерживаю пальцем дёрнувшееся веко и нервно сглазываю. Я знаю Костю! Он не из тех парней, которые устраивают своим девушкам романтические сюрпризы. Что-то сейчас будет...

– Не хочешь домой меня пускать, хрен с ним! – не отчаивается Костик. – Поехали кататься, кис! – он делает несколько размашистых фрикций бёдрами, трахая букет. – Прямо в машине тебя отжарю!

Вот, пожалуйста – романтично, и то с натягом, было ровно пять секунд, пока он рот не открыл.

– Заткнись! – грожу ему кулаком.

– Чо, поедешь?!

– Чо – не поеду! Вали отсюда!

– Ты, с-ска! – психует, швыряет цветы на асфальт, вырубаёт рэпчик и задирает голову. – Коза! Решила, что я за твой пельмень душу дьяволу продам?!

– Ты со мной только из-за этого встречался, да?! – ору. – Любительпельменей... – добавляю тихо.

– Да мне плевать, поняла?! Я со Светкой замучу! Щас к ней поеду!

– Удачи! – рычу и захожу в квартиру.

К Светке, Таньке, Ленке... Хоть к троим сразу пусть едет. Мне это неинтересно.

Костя вопит на улице, а я иду чистить зубы. Выхожу из ванной и слышу, что соседи прониклись – грозят Константину полицией. Ну-ну...

Варю кофе, смотрю в холодильник – что бы такое съесть на завтрак? Пока я размышляю, по душу Костика приезжают менты. Не прошло и года, блин!

Мне приходится общаться с полицейским, предъявлять паспорт, объяснять – зачем я их вызывала. Дико напрягает. Но результат того стоит – утренняя тишина наконец ласкает слух. Настроение изгажено, но в остальном всё хорошо.

Меня потряхивает от доброго утра, которое устроил мне «Ромео». Допью кофе и поеду в «Кони-пони», лечить нервяк работой. Только сначала в аптеку зайду – куплю успокоительное. А может, мишке что-то нужно из лекарств?

Допиваю кофе и звоню Марине.

– Привет. Не разбудила, – я не совсем вовремя вспоминаю, который час.

– Нет, я уже проснулась, – зеваёт тётя. – Что-то случилось?

– Я хотела спросить, может, что-то в аптеке взять?

– Зачем? Я вроде здорова...

– Для медведя.

– А-а-а, ну да, да... Стрептоцид возьми, ему пригодится.

– Угу. Это всё?

– Всё. Свои документы не забудь, оформлять тебя будем.

Хорошо, что напонила. После представления Костика у меня всё из головы вылетело – всё, кроме медведя. Он мне снился сегодня. Сон странный. Вспоминаю сейчас и немного страшно.

Мишка лежал, развалившись на спине, а я устроилась у него на груди, перебирала пальцами густую шерсть. Мне было мягко, тепло и уютно.

Диана – укротительница медведей... Бред, какой! Надо меньше фэнтези читать.

Глава 3

Я открываю глаза, смотрю на когтистую лапу. Сколько я уже в ипостаси медведя? Много. Сутки точно. Или больше? Как бы чего хренового не вышло от перегруза. Хотя куда хуже? Из меня дуршлаг сделали.

Я пытаюсь пошевелиться, но тело прошивает острая, как лезвие, боль. Отставить! Лежу, терплю. Познаю дзен, наблюдая нежный рассвет сквозь незатейливый рисунок прутьев клетки. Осталось только сад камней разбить, и я достигну nirваны.

Но где я сейчас?

Собираю обрывки воспоминаний, а в голове туман, мысли путаются.

Я помню лес – незнакомый, чужой. Помню, как шёл – лапы проваливались в мягкий мох. Пахло болотом и опасностью. Тихо было... Но тишину разорвал выстрел. Я пошёл на гада, который в меня стрелял. Плевать на простреленный бок. Лишь бы он ствол не успел перезарядить.

Ещё выстрел. Пуля вошла мне в спину...

Как я вообще там оказался? Не знаю. Не помню.

Меня убивали, только почему-то не добились – бросили полудохлого у болота. Я всю ночь ждал, когда придёт костлявая с косой – она не пришла. Пришёл какой-то мужик. Утром. Он орал на тварей, которые меня изрешетили, а потом был

кузов пикапа, дорога, клетка. Меня привезли сюда. А куда – «сюда»? Хотел бы я знать, что это за место такое. Пахнет животиной... Хотя какая разница – где я? Мне здесь помогли – это главное.

Только я не всё помню.

Из крайних воспоминаний – красивая светловолосая девочка с зелёными заплаканными глазами. Она меня утешала, гладила. Приятно было. Интересно, как её зовут?

А меня как?..

Я пытаюсь вспомнить собственное имя. На краю мысли вертится, но... Чёрт, не помню! Я почти ничего о себе не помню.

Пробую запустить оборот, принять человеческую ипостась. Я не неженка – медведь, но от ощущений кукуху трясёт. Отставить! Не лучшая идея. Закрываю глаза и жду, когда меня отпустит.

М-м-м... знакомый запах!

Разлепив веки, пытаюсь сфокусировать взгляд на женском силуэте вдалеке – плохо вижу, но чую аромат. Я его знаю. Девочка, которая меня гладила, пахла, как булочка с корицей. Люблю сладкое.

Она здесь, но ко мне не подходит. Разговаривает у ворот с кем-то. Красивая. Кругленькая в самых вкусных местах. И руки у неё нежные – я помню.

Погладь меня ещё, булочка.

Очень хочется, чтобы она подошла к клетке. С ней хоро-

шо было, без неё тоска... и слабость в теле дикая – лапой пошевелить не могу. Спать хочется.

Вспомнить бы своё имя. Хотя бы его.

Я собираюсь заглянуть к медведю, но фиг – Фёдя взял меня в плен прямо на входе – у ворот. У нас кобыла рожать собирается. То есть вроде бы собирается. Схватки у лошадей начинаются за пару дней до того, как появляется жеребёнок.

Я стою, переминаюсь с ноги на ногу и загибаю пальцы:

– Да, – киваю, – получается, она сегодня должна выжеребиться. Ну, в крайнем случае – завтра.

– Так сегодня или завтра?! – Фёдя тарашит на меня глаза.

– Кто конюх – ты или я?

– Я, – он хмурится. – Просто хрен его знает, что делать.

При мне такое первый раз...

– Воды согрей на всякий случай и большое стойло почишь, – хлопаю Фёдора по плечу. – Ну и кричи, если что, – улыбаюсь.

– Хорошо бы она днём... – ворчит конюх. – Пока вы все здесь.

Наивный. Лошади любят ночью рожать. Специально могут терпеть до темноты, чтобы тишина вокруг и покой. Но Феде сейчас это знать не надо.

Он идёт в конюшню, а я собираюсь мчать к мишке. Но снова не судьба. Марина с Михал Иванычем приехали, а с ними ветеринарша вчерашняя.

– Дин, пойдём, оформимся, – тётя берёт меня в оборот. – Потом не до тебя будет.

Я растерянно моргаю, обнимая свой рюкзак, который буквально набит медикаментами для медведя. Их надо отдать доктору.

– Сейчас, – оставляю тётю и бегу за ветеринаршей и Михал Иванычем. – Подождите! – догоняю их. – Вот, возьмите, – отдаю докторше рюкзак. – Там лекарства и бинты, и...

– Зачем? – врач смотрит на меня с недоумением.

– Просто, – я смущённо отвожу глаза. – Вдруг пригодится.

– Диночка, усыновить мишку не желаешь? – к нам подходит Марина. – Ты с ним как с детём малым, честное слово, – улыбается.

– Поздно усыновлять, – ветеринарша смеётся, – он взрослый самец.

– Тогда мы Дианку за него замуж отдадим, – Михаил присоединяется к «Аншлагу».

– Юмористы, – фыркаю. – Я помочь хотела.

– Пойдём оформляться, – тётя берёт меня под руку.

Идём. Она говорит, но я почти не слушаю. Шашлык вечером намечается и что-то там ещё. Ай, неважно...

Заходим в кабинет. Марина устраивается за столом, включает ноут, а я сажусь в кресло. Мне обидно. Взяли высмеяли. Я от чистого сердца хотела помочь.

– Ну что ты дуешься, Дин? – тётя смотрит на меня, пряча улыбку в уголках губ. – У зверя всё есть, Миша оплатил.

– Ничего, – бурчу. – Забыли.

Я сержусь, как раз на Михал Иваныча и его «Замуж отдадим». Это дико, но я чувствую себя первоклассницей, которую дразнят «Тили-тили тесто...». Понятно за что, да? И это ненормально. Потому что в мыслях у меня не человек – медведь...

– Я пойду, – кладу документы на стол и собираюсь свалить.

– Стоять! – командует тётя. – Минутку подожди. Я сейчас на письмо отвечу и отдам тебе зарплатную карту. Под роспись.

Уже? Меня ещё в штат не оформили, а карточку – пожалуйста. Хотя чему я удивляюсь? У моей тётки достаточно серьёзный покровитель, чтобы не заморачиваться мелочами.

Ой, а это что такое?

Я замечаю на столе кулон из зелёного камня в форме когтя. Классическую ювелирку, как и пошлую бижутерию, я не признаю, а оригинальные украшения уважаю.

– Нравится? – тётя замечает, что я смотрю на коготь.

– Ничего такой. Михаил подарил?

– Нет, что ты! – Марина смущённо улыбается. – Это не моё. Ветеринар вчера сняла его с лапы медведя.

Интересно, кто и зачем нацепил его на зверя?

– Выглядит как старинное украшение, – я беру кулон в руку. – Ой! Тёплый...

Коготь в одно мгновение становится горячим. Шикнув, я

разжимаю пальцы, и он, упав, скачет по столешнице.

– Что такое? – Марина накрывает кулон ладонью.

– Обожглась, – я трясую конечностью, шиплю, как змея.

– Дин, камень холодный, – тётя смотрит на меня растерянно. – Так, забирай его! – отдаёт мне украшение. – Устроила мистификацию с утра. Ты знаешь, какая я впечатлительная.

Да я сама в шоке! Даже про обиду забыла.

Марина вручает мне зарплатную карту, я расписываюсь и, прихватив с собой изумрудный коготь, выхожу из кабинета. Сую мистическую вещь в рюкзак и мчу переодеваться. Потом к Фёдору. Хотя надо бы к мишке... Но, попой чую, конюху я сейчас нужнее.

И ведь не ошиблась!

Федя сегодня один на все конюшни, и такой капец на его седины. Кобыла точно сегодня родит – по ней видно. Ходит по стойлу, места себе не находит. Фёдор тоже ищет пятый угол, волнуется больше будущей матери. И смешно, и плакать хочется.

– Федь, не мельтеши, – я прислоняюсь к загородке стойла. – Если всё нормально будет, она сама родит.

– А если не нормально? – конюх на конкретном нерве. – Может, ветеринаршу попросить остаться?

– Понадобится – вызвоним её, – я не знаю, как его успокоить. – Сходи за опилками, а я у неё почищу.

Я берусь за лопату, Федя дует за опилками.

М-да... Представляю, на какой он был измене, когда у

него жена рожала. У Фёдора были жена и сын. Точнее, они и сейчас есть, но делают вид, что их нет. Фебина супруга нашла себе другого, отжала хату, а мягкотелый муж оказался на улице. Его тогда ещё и с работы поперли. Сначала Федя по друзьям кантовался, потом друзья «закончились», и он стал полноценным бомжом. И ведь много лет так скитался, постареть успел. Никому до него дела нет – ни жене бывшей, ни сыну.

Чем дольше на ферме работаю, тем больше убеждаюсь: самый страшный зверь – человек.

Я заканчиваю чистить стойло, а Фёдор раскидывает опилки по полу.

– Мишке вольер не готовили ещё? – спрашиваю конюха.

– Марина сказала обождать, – он пожимает плечами. – Кто знает, выживет медведь или нет.

Стою как ведром ледяной воды облитая... «Выживет или нет?» – к горлу подкатывает комок горечи.

– Я ушла, – выхожу из конюшни и быстрым шагом иду к клетке.

Мне навстречу шагает Михал Иваныч.

– О, Динка! Ты к медведю?

– Ага! – пролетаю мимо, торможу и сдаю назад: – Что ветеринарша?..

– Всё сделала, что положено – лекарства-шмыкарства. Обещала, что к вечеру бодрее станет. Короче, всё путём.

– Надеюсь, – машу Михаилу рукой и бегу к клетке.

И чем я ближе к зверю, тем медленнее мой шаг. Иду, дрожу. И непонятно – от чего? Эмоции через край – все в кучу.

Мишка лежит в той же позе, что и вчера. А у меня, как и вчера, до боли сжимается сердце.

– Привет, – выдыхаю.

Медведь ведёт ухом, отрывает голову от пола. На шерсти остаётся окровавленная солома.

– У-у-ух... – снова почти человеческий вздох зверя.

Хочется сунуть руку между прутьев, дотронуться до мягкой густой шерсти.

– Как ты? – спрашиваю, будто животное может ответить.

А он возьми, да ответь! Не словами, конечно – моргает, а я вижу в этой звериной микроимимике – «Всё хорошо».

Мать моя! Я схожу с ума!

– Не смотри на меня так, – делаю шаг назад. – Ты меня пугаешь.

– У-ух, – выдыхает медведь.

Вибрация смартфона в кармане заставляет меня вздрогнуть. Мама звонит. Наверняка хочет убедиться, что дочь метнулась с утра кабанчиком к Константину мириться. На звонок я не отвечаю – сбрасываю.

Злость берёт. Хочется сломать что-нибудь. Почему она не понимает, что я не буду счастлива с тем, кто нравится ей, а не мне?!

– Как у вас – животных – всё просто, – я присаживаюсь на траву рядом с клеткой. – Вы вообще не паритесь, всё на

инстинктах, – сама не замечаю, как сую руку между прутьев, перебираю пальцами шерсть на голове мишки. – А у людей что? Капец у людей. У меня он в квадрате. Ты не знаешь, зачем я с Костиком встречаться начала?.. Не знаешь. И я не знаю. Наверное, потому что маме моей этого хотелось. Стал бы ты спариваться с самкой, потому что твоей маме она вкачала?..

Зверь выдаёт что-то похожее на «Не-а», и я прихожу в себя. Ох, ёлки-палки! Выдёргиваю руку из клетки, а мишка смотрит на меня с непониманием, типа – какого фига? Отползаю на попе от клетки, он глядит... Очень говорящий взгляд, я в мыслях целый монолог из него составила.

Так!

– Мне пора, извини, – оправдываюсь зачем-то, встаю и быстро иду к конюшне.

Вот так люди с ума и сходят. Сначала кажется что-то, а потом голоса в голове появляются. И это я ещё под успокоительным!

Глава 4

Шашлык вкусный, но упорно встаёт поперёк горла, и вино не лезет – настрой у меня не тот. Мыслями я где-то в районе психбольницы. Мишка этот со своими человечьими замашками... Нет, не мишка. Это всё у меня в голове происходит.

– Дин, останься, а? – канючит Федя. – Боюсь я с ней один.

Я смотрю на конюха и качаю головой – нет. Фёдор уже полчаса уламывает меня переночевать на ферме – лошадь ещё не родила.

– Мне завтра к первой паре в универ, – с сожалением поджимаю губы. – Прости, Федь.

– Да-а, ай! – он хмурится, машет рукой и идёт, уговаривать бабу Машу остаться.

Не уговорит. Марии Петровне внука надо с утра в сад вести. Про Марину и Михаила тактично молчу – у них личная жизнь налаживается.

– Если что – мне звони, – пытаюсь утешить конюха перед тем, как слинять домой. – Ладно, Федь? – трясую его за плечо.

– Ладно, – вздыхает.

На том и прощаемся. Я ухожу первая, остальные ещё пьют и закусывают. Пока иду до ворот, вызываю такси и кошусь в сторону клетки с медведем. Не пойду к нему. Впереди у меня насыщенная неделя: пары, стрип-пластика, договоры с подрядчиками – тётя уже на почту накидала. Отвлекусь на

дела и о медведе думать не буду, а то какое-то нездоровое беспокойство вырисовывается.

Такси приезжает быстро, я сажусь в машину и называю адрес. Мы едем по шоссе в сумерках, на лобовое падают первые капли дождя, а домой не хочется. Совсем.

21:10 Костя: Мы с тобой ещё не закончили, котёнок.

Сжимаю в руке смартфон, смотрю на экран, и глаз снова дёргается. Я ждала от него чего угодно – звонков моей маме, сплетен в универе... Но не обещания «закончить со мной». Текст сообщения фонит агрессией, и от этого сильно не по себе.

Во дворе я расплачиваюсь с таксистом, выхожу из машины и не решаюсь зайти в подъезд. Стою на крыльце, смотрю на дождь, и мне кажется, что Костик поджидает меня у квартиры. Что это вообще значит – закончить со мной? Всё что угодно, но точно ничего хорошего...

– Мам, привет, – выдыхаю в трубку, голос немного дрожит. – Как дела?

– Плохо. Дочь трубку не берёт, когда я ей звоню.

– Я работала. Освободилась и перезваниваю.

– Очень интересно, – мама фыркает. – Марина тебя в рабство взяла? Десятый час.

– Мне зарплатную карту выдали, – я пытаюсь съехать с негатива.

– С Костей помирилась?

– Нет.

– Дина, это уже не смешно!

– Ты права – не смешно. Пока.

Я завершаю звонок, отправляю номер Костика в чёрный список – давно надо было это сделать. И телефон выключу... Чёрт, не выключу – Федя может позвонить на кипише. Я обещала ему.

Сую смартфон в карман, достаю ключи из рюкзака и захожу в подъезд. Меня трусит, в ногах слабость: страшно – капец! Вызываю лифт, прислушиваюсь к каждому звуку... У меня, наверное, паранойя.

Пока добираюсь до квартиры, успеваю такого напридумывать... Жесть натуральная! Меня конкретно потряхивает от собственных фантазий – пора с ними завязывать...

...Я стою в кухне – разуться забыла – и пью воду прямо из кувшина. Мама бы меня за такое прибила. Не буквально, конечно, но... Наверное, проблема в этом – я живу не так, как хочу, делаю не то, что хочу, и вообще – хочу не того, чего хочу на самом деле. Я учусь на юриста, а собиралась стать ветеринаром. Я встречалась с Костей, хотя в принципе не хотела отношений. Мне даже кота пришлось отдать в добрые руки, потому что животные в доме – это грязь. Мама так считает, да. А я люблю котов и грязь люблю! Я не свинота какая-нибудь, но на черта в квартире стерильность, как в операционной?

Выдыхаю и иду снимать обувь. Надо пол помыть – натоп-

тала...

– Просыпайся, – настаивает кто-то басом.

Открываю глаза, а картинка не плывёт. Я отрываю мохнатую голову от соломы – темно уже. Ничего себе я поспал! Уснул сразу, как ветеринарша ушла – это утром было.

Рядом стоит миска с водой, я тянусь к ней мордой и понимаю – силы есть. Чувствую себя вполне сносно, боль ушла. Лакаю, не вставая – это дико неудобно, но подняться на лапы я пока не рискую.

– Как оно? – рука с наколками на крупных пальцах подвигает тарелку с водой ближе ко мне.

Да, нормально, в общем. А ты кто?

Этот... который меня из леса забрал и сюда привёз. Люди здесь интересные, душевные – разговаривают со мной, словно знают, что я их понимаю. Для всех я медведь.

– Давай превращайся, – мужик отходит от клетки. – Побазарить надо.

Вот так, да? Тоже неплохо. Выходит, спаситель мой в курсе, что я не животное.

Лет пятьдесят ему на вид, здоровый лось, расписной – в наколках, и рожа кирпичом, но интеллект в глазах присутствует.

Побазарить, говоришь? Давай попробуем. Он явно знает обо мне больше, чем я сам сейчас.

Встаю. Нормально мне, даже не шатает. Я бодрячком. Ко-

шусь на будущего собеседника – не струхнет от увиденного? Хотя это не мои проблемы. Сам попросил.

Оборот даётся непросто – мой разум привык к звериной ипостаси и прощаться с ней не хочет. Я трачу на превращение чуть больше времени и сил, чем обычно, но справляюсь. Мужик сидит на камне недалеко от клетки, держит в руке фонарь – светит на меня, наблюдает за процессом. Не скажу, что без эмоций, но ужаса он точно не испытывает.

– Спасибо за помощь, добрый человек, – я еле ворочаю занемевшим языком и сажусь голым задом на солому. – Клетку откроешь? – хриплю.

Спаситель сплёвывает через зуб, ставит фонарь на землю, снимает с плеча спортивную сумку и идёт ко мне. Поворот ключа в навесном замке и решётчатая дверь открывается.

Свобода!

В вертикальном положении на двух ногах слегка кружится голова – кровь ещё не разогналась. Я осматриваю себя – ищу раны, но нахожу только одну. Ту, которая от первой пули в боку – кровит немного после превращения, но шов целый. И всё, больше нет у меня ничего.

– Плохо сработала врачиха, – недовольно выдаёт мужик. – Обещала, что к ночи всё заживёт.

– Шутишь? – я криво улыбаюсь. – Я и не надеялся так быстро оклематься.

– Баба в оборотнях шарит. И не таких вытаскивала.

– Спасибо бабе, – я разминаю затёкшее тело. – Ты побав-

зарить хотел?

– Михаил Иванович, – он тянет мне руку. – Можно просто – Иванович.

– Э-э... – отвечаю на рукопожатие, дую щёки. – Приятно познакомиться, Иванович. Своего имени не назову, не помню.

– А что помнишь?

– Ничего почти. Только как меня мрази по лесу с ружьями гоняли, как пролежал у болота ночь, а потом сюда приехал.

– За что они тебя?

– Хрен знает, – я пожимаю плечами. – Развлекались, может? Я не помню, как там оказался. Вообще ничего о себе не знаю. Кем был, как жил...

Иванич кивает, поднимает с земли спортивную сумку и достаёт из нее шмотки. Майка, джинсы, куртка кожаная и бейсболка. Вещи новые и явно не на китайском рынке купленные. Качество хорошее.

– Это тебе, – отдаёт мне одежду. – Там ещё есть, – кивает на сумку, – сменка. – А, обувь же...

Кроссовки. И тоже не ширпотреб. Я верчу обувь в руках, с подозрением кошусь на Михаила. Спонсором моим решил стать? На секунду меня посещает чувство лёгкого дежавю. Есть ощущение, что мы с ним раньше пересекались. В той жизни, которую я забыл.

– Что ты обо мне знаешь? – натягиваю джинсы.

Иванич молчит. А я напрягаюсь. Подозрительный он... Подозрительно щедрый и молчаливый.

– Знаю только, что ты оборотень, но об этом мне ветеринарша шепнула, – наконец, выдаёт Михаил. – Она шарит.

– Ни хрена не понятно, но ладно – разберусь, – теперь я тяну ему руку. – Ещё раз спасибо за помощь. Я твой должник.

– Должников не держу, – улыбается, светит золотым зубом. – Да и помощь моя тебе ещё не раз понадобится.

– Без обид, но дальше я как-нибудь сам, – отказываюсь как можно вежливее.

В добрых волшебников на вертолётах я не верю.

– Ладно, хрен с ним... – в глазах Иваныча проскакивает едва уловимое разочарование. – Сейчас что делать собираешься?

Осень ранняя. Скоро зима – спячка... А перед ней надо отъестся. Охотиться в местных лесах я не рискну. Как показала практика, психов тут хватает. А значит массу перед зимой набрать безопаснее в населённом пункте.

– До ближайшего села далеко? – спрашиваю, вглядываясь в мелькающий огонёк вдалеке. Мясом жареным несёт – шашлыком.

– Город рядом. Могу подбросить. Только что ты там ночью делать будешь?

– Разберусь... – я щурюсь, пытаюсь разглядеть в силуэтах у огня знакомую аппетитную фигурку. – Слушай, тут девочка была. Светленькая такая, глаза зелёные.

– Диана? Есть такая, – кивает Михаил.

– Она сейчас там? – смотрю в сторону костра.

– Домой уехала, – он снова лыбится, зуб снова блестит. –

Понравилась?

– Не попрощался, – выдаю тихо. – Ну что, поехали?

– Поехали, а чо нет? – ухмыляется Иваныч. – Погоди только, я свою предупрежу.

Он идёт к костру, а я стою и думаю, как быть дальше. В деревне проще – в первую очередь дешевле, но город так город. Хреново, что документов у меня нет – это усложнит задачу. Мелькает мысль согласиться на предложение Иваныча. И всё же – нет. Мужик он вроде неплохой, но лучше я сам. Так надёжнее.

А дальше что? Зима дальше. Спячка. В лес идти придётся, берлогу делать. Хорошо бы до этого времени успеть загрызть по одному тех уродов, которые меня в решето превратили, и вспомнить о себе хоть что-то...

...Машина у Иваныча не из дешёвых, телефон тоже. Ясно, что бабло у него водится. И от этого мне ещё подозрительнее. В щедрых богачей не верю даже больше, чем в волшебников на вертолётах.

– ...А насчёт памяти не парься, – Михаил следит за дорогой и болтает без остановки. – У нас фраер был с амнезией после травмы. Тоже ни хрена про себя вспомнить не мог, потом ничего, оклемался. Месяца через два. Вспомнил даже, как мелким на горшке сидел, – смеётся.

Мне бы имя своё узнать для начала.

– Может, что и вспомню, – соглашаюсь с Иванычем. Хочется верить в лучшее.

– Приехали, – он паркуется у какой-то площади. – Тут холст есть – дёшево, но чисто. Можно койку снять, – достаёт из кармана портмоне, шуршит купюрами.

– Не надо, – смотрю на деньги, которые он мне протягивает, и не беру.

– Не доверяешь? – ухмыляется как-то горько.

– Есть такое дело, – киваю. – Но кое о чём попрошу.

– Чего хочешь?

– Адрес Дианы.

– Это можно.

Иваныч убирает деньги в портмоне, достаёт оттуда визитку и пишет на обороте – «Головина, д. 5, кв. 14».

– Спасибо, – улыбаюсь, как дурак.

– Ты это... – Михаил вынимает у меня из пальцев визитку. – Номер мой тут, – переворачивает её. – Если что надо – звони, не стесняйся. С работой могу помочь, с документами.

– Мы точно не были знакомы раньше? – я не выдерживаю. – С чего такая щедрость?

– Я грехи замаливаю, – с серьёзным выражением лица выдаёт Иваныч и смотрит мне в глаза.

Станный мужик...

Жму ему руку на прощание, благодарю ещё раз за всё и валю. Мне в спину бьёт короткий сигнал клаксона – наворо-

ченая тачка мчит прочь, а я остаюсь. Один, без памяти и идей как провести эту ночь.

Глава 5

Пройдясь по улице, я нахожу пару интересных штук – парк с крытыми беседками, где можно переночевать, и объявление о вакансии на двери магазина. Воодушевляюсь и шагаю дальше – жаль, бесплатную еду здесь не раздают. Жрать охота – живот рычит. Но поесть удастся в лучшем случае завтра. А сейчас в парк. Спать.

Осень. Погодка не лётная, к утру я замёрзну, как пить дать.

Какая-какая улица? Я притормаживаю, делаю несколько шагов назад и читаю надпись на табличке: «ул. Головина, д. 5». Достая из кармана визитку, которую мне дал Иваныч. Так и есть – в этом доме живёт булочка.

Ну что... Это судьба.

Не задумываясь о времени, я сворачиваю во двор, нахожу нужный подъезд и захожу. Топаю по лестнице вверх, а энтузиазм тает. Диана меня в ипостаси человека ни разу не видела.

Превратиться?.. Вот радости-то будет!

Мне остаётся преодолеть один лестничный пролёт, и я окажусь рядом с квартирой номер четырнадцать, где живёт девочка с зелёными глазами. Но я стою и никуда не иду. Потому что идиот.

Что я ей скажу? Привед, я медвед. Не смешно, блин.

Дилемма века – как объяснить, кто я и зачем припёрся? Булочка конкретно мне в душу запала, ну и не только в душу. Думаю о ней, а в пах жаром бьёт. Красивая такая... Пришла утром, уселась рядом с клеткой и приворожила глазами своими зелёными, пальчиками нежными, которыми меня – медведя – за ухом чесала. И не побоялась ведь.

Ухмыляюсь, мотаю башкой, а образ девчонки перед глазами стоит и растворяться не собирается. Мне кажется, что на меня никто и никогда так не смотрел, как она. У животных, говорит, всё просто – на инстинктах... Я снова хмыкаю – показал бы я тебе те инстинкты, красавица.

Только для начала нам надо познакомиться ещё раз. Но это, видимо, не сегодня. Время позднее и я без идей.

Ищу повод уйти, логикой сам себя давлю, и тут подъездная дверь хлопает. Гулкий звук эхом бьётся о стены, а я мчу вниз – уношу ноги, потому что хочется сделать всё наоборот. Дико хочется!

Мимо меня, вверх по лестнице, стремительно пронесится дрыщ в толстовке до колен и джинсах-дудочках. Я только краем глаза успеваю его зацепить, но даже этого достаточно, чтобы понять, что выглядит он, как... Не как мужик, короче.

Выхожу на улицу, прохожу несколько метров и останавливаюсь. Будто кто-то руками за куртку цепляет – останься. Чертовщина... Вдыхаю влажный после дождя воздух и пытаюсь высчитать окна квартиры булочки. Вот эти, наверное – рамы приоткрыты, за шторами горит свет...

Из подъезда выходит тот самый гомосек в узких джинсах и идёт вдоль дома. А-а, вон оно что – у него тачка с торца припаркована. Садится за руль, но не уезжает. Интересно, кого-то ждёт или?..

Какого хрена?

Мне не должно быть дела до этого полупокера в лосинах. Но он мне сильно не нравится. Просто так, без причины не нравится и всё.

Дурное предчувствие не отпускает – крепнет только. И чёрт знает, что делать.

Половина двенадцатого ночи, я скачу по квартире в джинсах и лифчике – футболку ищу. Такси вот-вот должно подъехать, а я ещё не собрана.

Чёрт... Чёрт бы побрал паникёра Фёдора!

Он позвонил и загробным голосом сообщил, что кобыла рожает. Ну как бы пора ей, да. Но у Феде от этого события волосы дыбом. Ему кажется, что всё у лошади идёт не так. Может, и не так... Я не знаю, меня там нет.

Попыталась вызвонить ветеринаршу, а она трубку не взяла. Ну что мне делать? Ехать в «Кони-пони», конечно. Фёдора надо спасать, иначе он инфаркт получит от впечатлений.

Лучше бы я на ферме ночевать осталась.

– Вот ты где! – достаю футболку из-под диванной подушки и победоносно трясу ею.

Одеваюсь в прихожей, завязываю шнурки на кроссовках,

хватая ключи, деньги и замираю у двери. Мне снова кажется, что Костик в подъезде – ждёт, чтобы «закончить со мной». Смотрю в глазок – на площадке пусто. Но это ничего не значит. Костя может стоять этажом выше или ниже, или вообще прятаться за мусоропроводом.

Не снимая обуви, иду в кухню к окну – осторожно выглядываю за шторку. На парковке машин нет, но стоит какой-то чувак в кожаной куртке и бейсболке. Здоровый бугай. Немногим меньше нашего раненного мишки.

Блин! Я прячусь за занавеской. Дыхание перехватывает.

Такое ощущение, что этот тип смотрел на меня. В доме сотни окон, а он на меня пялился! Мамочки... Будто не было ни оконного стекла, ни расстояния. Кажется, я его дыхание почувствовала на коже... До мурашек!

Он точно не местный. Что он тут делает ночью? Ждёт кого-то?.. Или это сюрприз от Костики? Он мог попросить кого-то из своих знакомых напугать меня. Или не просто напугать?

От этой мысли становится совсем нехорошо. Я нервно сглатываю и набираю номер Феди. Он не отвечает. Да что же такое?! Звоню ещё раз – не берёт трубку. Всё, что угодно, могло произойти. И хорошо, если с лошадыю, а не с конюхом...

Звонят из такси – машина у подъезда. Надо выходить. А у меня ноги не идут. Я уже не знаю, кого бояться – «шкафчика», который сейчас стоит на парковке, или гипотетического

Костика, который может прятаться за мусоропроводом.

Не решила кого бояться – не бойся никого!

Иду в прихожую, щёлкаю замком и выхожу в подъезд. Лечу вниз по лестнице, в ушах пищит. Выбегаю из подъезда, а такси нет! Зато есть бугай на парковке.

Чёрт, зачем звонить, чтобы клиент выходил, если машина ещё не приехала?!

Человек-гора стоит под фонарём, и свет на него падает так, что тот кажется просто нереально огромным. Из-за козырька кепки я не вижу верхнюю часть его лица, но чувствую... Физически ощутить на себе взгляд – это сейчас ни черта не метафора! Он меня глазами пожирает – уверена. Мне становится жарко, душно и страх какой-то странный... Я скорее волнуюсь, чем боюсь. Крепче сжимаю бёдра и тоже смотрю. На него. Не дышу почти. А потом соображаю, что надо срочно валить в подъезд. Или не надо? Сейчас вообще непонятно, что будет правильнее. Ситуация – огонь!

– Я закричу... – выдаю хриплым шёпотом – голос сел.

Что булочка сказала? Закричит? С чего бы ей кричать?..

Не ожидал увидеть её здесь – ночь на дворе. Выбежала из подъезда как ошпаренная – глазёнки-блюдца, дышит тяжело и на меня смотрит. С ужасом.

К медведю, значит, руки в клетку совать – нормально, а человека боится? Или её ещё кто-то напугал?

Я делаю несколько шагов к девочке и останавливаюсь –

полупокер на тачке стартует с места, покрышки дымят. Он тормозит у подъезда булочки, а она пятится назад.

– Костя... – выдыхает Диана, когда это чудо выходит из машины.

Костя? Костик – так зовут парня, с которым она встречается. Сама мне сказала сегодня. Он нравится её маме, а ей не нравится, но...

Стою, не рыпаюсь.

– Привет, котёнок, – дрыщ в лосинах шагает по тротуару. – Чо так поздно гуляешь?

– Я... Э-эм... Что ты тут делаешь? – девочка прямит спину, храбриться, но я вижу, что её трясёт.

– К тебе приехал. Поднялся на этаж, но в хате было тихо. Думал, ты спишь уже, – он смотрит на Диану с прищуром, не без труда суёт руку в карман узких джинсов. – Так чо, кис, куда собралась?

– Не твоё дело, – тихо, но уверенно выдаёт булочка. – Уезжай, или я...

– Ментов опять вызовешь? – ухмыляется. – Поехали, – хватает Диану за руку.

– Отвали! – она явно не «за» ехать с ним куда-то. – Отвали, сказала! – выкручивает запястье, но у этого петушка силы больше, чем у хрупкой девушки. – Мы расстались!

– Ты, сука, мне дашь! – рывком открывает дверь тачки, пытается запихать туда булочку. – Дашь, я сказал!

Я отмираю. Ноги сами несут меня к подъезду, кулаки сжи-

маются, и я больше ничего не слышу – ни звука, как оглох. В голове пульсирует ярость.

Но слух возвращается с криком булочки.

– Козёл! – орёт она из салона машины в адрес Кости.

И он обязательно парировал бы, но я надёжно держу его за загривок и с размаха прикладываю мордой о кузов. Глухой «бум»... Тишина. А потом по ночному двору прокатывается громкий мат Костика. Ошалевший, он пытается достать меня кулаком, я уворачиваюсь – большого труда это не составляет. Хватаю уродца за шею сзади – он вопит, а я ещё крепче сжимаю пальцы. Нажим – дожим в воспитательных целях.

– Ещё раз до неё дотронешься – размажу, – прижимаю Константина к лобовому стеклу и вожу его рожей, как тряпкой, со скрипом.

Булочка смотрит на нас из салона – она в шоке. Я тоже, если честно. Не понимаю, как мне удаётся держать себя в руках, чтобы тупо не переломить дрыщ хребет. Хочется!

– Ты кто?.. – Костя под прессом едва шевелит языком.

– Точно хочешь это знать? – отрываю его от стекла, беру за грудки.

Как в тебе жизнь-то держится, доходяга? Ножки – палочки, ручки ещё тоньше. Я бы на месте булочки даже по приказу богов с таким встречаться не стал. С ним на улицу выйти страшно – от каждого пинчера придётся защищать.

– Сл-ы-ышь! – в полупокере просыпается гопник. – Отпустил, твою мать!

Он хватается за мои запястья, дёргается, а мне пофиг.

– Выходи, красавица, – обращаюсь к булочке.

Она выходит сначала из стазиса, потом из машины. Бледная, на глазах слёзы. Смотрит на меня и ротиком воздух хватает – сказать что-то хочет.

– Здра... Здравствуйте, – выдыхает, и по щекам ползут мокрые дорожки.

– Слышь, Дина! Чо за... Кто это?! – вопит Костик.

– Я не знаю, – голос у Дианы дрожит.

Дрыщ собирается ответить, но я не слушаю бляение и утрамбовываю его в машину – за руль, хлопаю дверь так, что стёкла едва не вываливаются, и наклоняюсь к приоткрытому окну:

– Дорогу сюда забудь, – рычу в рожу Костику.

Беру обалдевшую Диану под локоть и веду в подъезд.

Господи, что ему от меня надо?!

Шкаф тащит меня в подъезд, а я не знаю зачем. Догадываюсь, конечно. Но верить, что всё происходит на самом деле, не хочу. Такси так и не приехало, а я, кажется, спаслась от одной неприятности и влипла в другую. Покрупнее...

Я не вырываюсь, не кричу. Пока не кричу. Сейчас зайдём в подъезд, и я такой ор подниму – девятый этаж проснётся. Но едва мы переступаем порог, я оказываюсь прижата к стене, а мой рот накрывает широкая тяжёлая ладонь.

– М-м-м! – мычу-кричу, и в груди сжимается от ужаса.

Вот дура!

– Тише. Ладно? – уговаривает меня шкаф.

Его лицо близко... Он весь близко! Мне в живот упирается однозначно твёрдый член. Горячий каменный пах этого мужика впечатан в мой живот, а в его глазах я вижу сумасшедшую похоть – бегущей строкой мелькает, только успевай читать. Он прижимается ко мне теснее, и становится невыносимо жарко, а между ног у меня как-то... не так, как обычно. Влажно? Ч-чёрт! Это что за стокгольмский синдром, мать твою?!

– Не будешь кричать? – он повторяет вопрос.

Мотаю головой – безмолвно обещаю вести себя тихо. А что мне остаётся? Я сейчас задохнусь к чёртовой матери!

– Не трогайте меня, пожалуйста... – умоляю, едва он убивает руку.

Я превращаюсь в маленькую трясущуюся от ужаса собачонку – скулю, надеюсь, что волкодав не изнасилует меня... Хотя, точнее будет сказать – не порвёт членом, как тузик грелку. Не время, не место и вообще не та ситуация, чтобы оценивать, но я оценила... мужское достоинство. Даже через джинсы, не глядя, понятно – в штанах у него дыря, блин!

Шкаф меняется в лице и отступает назад. Получив возможность, я делаю вдох полной грудью, всхлипываю, а ноги не держат – сползаю по стеночке вниз.

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста... – повторяю, как заведённая. – Не надо...

Сажу на грязном холодном полу, прижимая ладони к лицу, и рыдаю. Мне страшно и дико. Страшно – потому что мольбы тут явно не помогут, а дико – потому что я должна испытывать ужас и отвращение, но испытываю совсем другие чувства.

Такого предательства от собственного тела я не ожидала. Трясусь, словно на морозе, и... хочу этого мужчину. Ненормальная!

– Я ничего такого... – он силой, но при этом крайне осторожно отрывает мои руки от лица. – Слышишь? – сидит на корточках и смотрит на меня виновато. – Не собирался я...

– Угу, – киваю, хлюпая носом.

– Капец, – шкаф мотает головой, встаёт, а я зажмуриваюсь.

Всего на мгновение, но тот самый дырн в его джинсах оказывается слишком близко от моего лица. По спине к загривку ползут мурашки. Нервно сглотнув, я облизываю губы и открываю глаза. Мужчина отошёл на несколько шагов, стоит у радиатора отопления, смотрит на меня растерянно.

А может, он правда не собирался ничего со мной делать?.. Напуганная Костей, я продолжила паниковать по инерции. Но зачем тогда он меня к стене прижал и рот рукой закрыл?

– Я... – корячусь, пытаюсь встать. – Вы... Ой!

Сильные руки приводят меня в вертикальное положение. Мужчина бережно прислоняет меня к стене – стою я по-прежнему не слишком уверенно – и отходит.

– Я не собирался. Серьёзно, – оправдывается.

– Было непонятно, – я вытираю слёзы.

– Да блин... – тормошит пятернёй тёмные волосы на макушке и дует щёки. – Я видел, что ты собралась заорать, вот и... Короче, извини.

– Ничего страшного, – тянет улыбнуться, но получается однобоко и нервно.

– Иди домой, – командует мой несостоявшийся насильник.

– Угу, – киваю и, не веря, что меня пронесло, начинаю подниматься по лестнице.

Это что такое?!

Я замираю, оттягиваю край своей футболки и офигиваю – на ткани красное влажное пятно приличных размеров, будто меня кто-то в бок ножом пырнул. Трогаю пальцами, и на подушечках остаются липкие следы. Мамочки! Не думая, я задираю майку – на коже тоже красное, но раны нет. Что, блин?..

Я медленно поворачиваюсь к мужчине и прилипаю взглядом к его торсу.

– Господи, у вас кровь... – шепчу.

– Где? – он опускает голову, распахивает кожаную куртку. – А-а это... – хмурится, глядя на пропитавшуюся кровью белую футболку. – Пройдёт.

– В смысле пройдёт? – у меня глаз дёргается.

Там далеко не немножко крови – отжимать можно. Вон

уже на кармане джинсов тоже...

– Без смысла. Домой иди, – в голосе мужчины мелькают стальные ноты.

Его лицо становится цветом верхней части подъездной стены – той, которая побелена. Пошатнувшись, он одной рукой цепляется за перила, а другой накрывает рану. Его пальцы в одно мгновение окрашиваются в алый. Не фиговое кровотечение и останавливаться без посторонней помощи оно явно не собирается.

Не знаю, что с ним, но... этот шкаф спас меня от Костики. Бросать его здесь, истекающего кровью, нельзя. Быстро спускаюсь по лестнице, беру его под руку:

– Идёмте со мной.

– Куда? – хрипит раненый.

– Поднимемся ко мне. Дам вам перекись и бинты, – веду его вверх по лестнице, жму кнопку лифта. – Скорую надо вызвать, наверное.

– Перекиси и бинтов будет достаточно.

Отчаянный мужик, но дело хозяйское. В квартиру, конечно, я его не пущу. Просто отдам всё, что купила сегодня для мишки.

Глава 6

Поворачиваю ключ в замочной скважине и кошусь на мужчину – на ступеньки присел. Вроде вламываться в квартиру ко мне он не собирается.

Да о чём я, боже?.. Бедняга не в том состоянии.

Захожу домой, достаю из рюкзака перекись, бинты, и у меня в кармане вибрирует телефон. Диспетчер такси – «Дико извиняюсь за накладку...». Ага, да-да. Это накладка едва не обошлась мне слишком дорого – никаких извинений не хватит. И ещё неизвестно, чем всё закончится...

Девушка оправдывается – водитель подъезжал, но внезапно, не объясняя причины, отказался от заказа и свалил в закат. Все в шоке и бла-бла. Мне неинтересно и другую машину уже не надо. Прощаюсь с диспетчером, но убрать телефон в карман не успеваю – Фёдя перезванивает.

– Слава богу! – выдаю в трубку вместо приветствия. – Что там у тебя?

– Родила, – с облегчением сообщает конюх. – Всё нормально.

Убила бы...

– Ну вот видишь, – улыбаюсь, – а ты кипиш устроил.

– Извини, Дин, я переволновался.

– Ладно, давай тогда, – смотрю в глазок – раненый на месте. – Я спать.

Выхожу в подъезд, а человек-гора лежит на ступеньках. Рядом валяются его бейсболка и спортивная сумка – она у него через плечо была перекинута...

– Эй? – я подхожу к нему. – Ты как?

Я перехожу на «ты» – ситуация не располагает к расшаркиваниям, да и выглядит мужчина лет на двадцать пять. Не тот возраст, чтобы я ему выкала.

– Нормально. Слабость только, – выдыхает шкаф и проводит языком по пересохшим губам.

У бедняги на лбу проступает испарина. Он ещё бледнее, чем пять минут назад. Скорую нужна, однозначно. Я достаю телефон из кармана – собираюсь набрать номер службы спасения.

– Не звони, – хрипит. – Принесла, что собиралась?

– Ой, да! – опомнившись, убираю смартфон обратно. – Вот, возьми, – сую ему в руку бинт и бутылочку с перекисью.

Он возится лёжа, голову не поднимает. Не может даже футболку задрать, чтобы обработать рану. Пытается, но ни фиги не получается.

– Чёрт... – мужчина психует, пластиковый бутылёк скачет по ступенькам.

Ловлю перекись и, вздохнув, тянусь к окровавленной футболке раненого.

– Я посмотрю? – держусь за край майки, готовая поднять её.

– Не страшно?

– Нет.

Ох ты ж! У него под рёбрами швы, и они разошлись. Наверное, когда Костю месил...

– Крови боишься? – шкаф отрывает голову от ступеньки и смотрит на меня. – Дай, я сам, – пытается забрать бинт.

– Не в этом дело, – я не отдаю. – У тебя швы разошлись. В больницу надо.

– Нельзя мне в больницу, девочка, – дышит часто.

– Ты что-то натворил, да? – мне становится не по себе.

– Нет. То есть я не знаю, – закрывает глаза. – Я ничего не помню. Память потерял.

– Оу... – только и могу выдать. – Тогда почему в больницу не хочешь?

– В меня стреляли и, вполне возможно, ищут.

– Те, кто стрелял?

– Они самые. Врачи маякнут ментам, менты начнут устанавливать мою личность. Хрен знает, чем это закончится.

– Ты не знаешь, кто ты? – у меня брови вверх ползут.

– Не знаю. Не помню.

Всё это звучит как выдумка. Врёт? Не похоже.

– Стоп, – я растерянно моргаю. – Но ведь кто-то тебя зашил.

– Ветеринарша штопала, – шкаф открывает глаза. – Она не любопытная.

Точно!

– Подожди минутку.

Я встаю со ступеньки, спускаюсь на площадку и пытаюсь дозвониться нашему ветврачу. Возьми трубку, возьми – прощу мысленно, слушая длинные гудки.

– Алло, – сонно отвечает доктор.

– Здравствуйте, это Диана из «Кони-пони». Простите, что беспокою в такой час, но ситуация... – я кошусь на раненого, – экстренная.

– Что случилось?

– Я собаку подобрала, и у неё бок распорот. Надо зашить, – вру, лишь бы ветеринарша не отказала. Собака – это по её части.

– М-м-м... – врач думает, решает, а у меня сердце почти не бьётся. – Хорошо, привози.

Угу, уже несу. На ручках!

– Не получится привезти. Очень крупный пёс.

– Хоспади-и-а-а-м, – врач зевает. – До утра не подождёт?

– Точно не подождёт.

– Ладно, кидай адрес. Приеду.

Есть!

Я сбрасываю звонок, быстро отправляю ей смс и возвращаюсь к бедняге с дыркой в боку.

– Пёс, говоришь, крупный? – на красивых мужских губах появляется слабая улыбка.

– Эм-м-м... – я смущённо отвожу глаза. – Ты правда немаленький, – бурчу. – Везде...

Ой, я что, это вслух сказала?! Капец! Стою красная, как

помидорина.

– Не смейся. Ржать больно, – улыбается мужчина.

– Так, всё! Надо в квартиру зайти. Встать можешь?

Через пару минут мучений становится ясно – не может. А я не дотащу. Упадём вместе и погибнем – он от кровопотери, я – от многочисленных переломов.

Амнезийному гостю приходится едва ли не ползком добираться до квартиры. Он оставляет за собой яркие алые следы на полу и стенах. Ну хоть так...

Я подбираю его бейсболку, сумку и захожу домой. В крови всё – подъезд, прихожая, я и раненый, конечно. Выглядит жутенько.

– Теперь надо ползти вон туда, – наклоняюсь к нему, показываю, где зал. – На диван.

Шкаф поднимается и на полусогнутых идёт, куда я его отправила. Он снова держится за стену. Ох, блин! Теперь и обои в кровящи.

Наверное, я действительно дура, каких поискать – пустила в дом незнакомого мужика с дыркой от пули в бочине и переживаю, что он запачкал обои. Стою с приоткрытым ртом, смотрю на картину в красных тонах. Мама меня прибудёт...

Оживаю – раненый лежит на диване, и хорошо, что диван кожаный – отмою. Хватаю рюкзак и иду к нему оказывать первую помощь. До ветеринарши надо что-то сделать с кровотечением. Хотя бы минимально.

Раскладываю на журнальном столике медикаменты, отры-

ваю кусок бинта, смачиваю перекисью и сажусь на краешек дивана.

– Будет больно, – предупреждаю гостя, и он кивает.

Поднимаю его футболку – кровь сочится из раны. Нужны ещё бинты...

Через двадцать минут напряжённой борьбы я побеждаю. Рану утянула пальцами, наложила повязку и зафиксировала пластырем практически наглухо. Если не шевелиться, то до прихода врача должно хватить.

Мужчина вытерпел всё молча. На то он и мужчина, наверное. Я однажды Костику занозу из пальца выковыривала, вот там воплей было! Тогда я чувствовала себя виноватой, а сейчас смешно даже.

Вся в своих мыслях беру влажные салфетки, чтобы стереть кровь с живота гостя, и...

Вот это пресс!

Прикусив губу, вожу влажной тряпочкой по смуглой коже. Так и хочется дотронуться пальцами до рельефного живота, по кубикам этим – ниже, по дорожке из тёмных жёстких волос, которая ныряет под массивную пряжку ремня на его джинсах.

Меня обдаёт жаром, а между ног сводит от сладкого похотливого спазма. Я краснею и поднимаю глаза. Мы встречаемся с гостем взглядами.

Мать моя!

Да у него цвет глаз, как... у нашего мишки – медовый.

Точь-в-точь! Радужка кажется прозрачной, в ней застыл рисунок – прожилки слегка напоминают очертания сот. Если бы я не была уверена, что у меня в гостиной на диване лежит человек, я бы подумала, что смотрю в глаза медведю, который сейчас мирно спит на ферме в клетке.

– Аптеку ограбила? – раненый кивает на мой рюкзак.

– Нет, я... Это для медведя. К нам на работу привезли раненого мишку, и я купила. Вот... – рассказываю зачем-то.

– Любишь животных? – моя рука оказывается в нежном плену горячей мужской лапы.

Я смотрю на свою пятерню – на фоне крупных пальцев и широкой ладони. Мы с гостем безобидно держимся за руки, но в этом прикосновении столько интимной чувственности, что кончить можно.

И я почти это делаю...

– Мне при-прибраться та-там надо! – и я вскакиваю с дивана, несусь в ванную.

Врубаю воду, подставляю под хлещущую струю ведро, кидаю в него тряпку и лью средство для мытья пола – полбутылки. Руки трясутся, внизу живота сладко ноет и пульсирует. Отжимаю тряпку – с моими трусиками сейчас можно смело поступать так же.

Да что же это такое?!

Прижимаю ладонь ко лбу и ловлю отражение в зеркале. Я не узнаю себя. Взгляд бешено-похотливый, губы припухли – укусила их чуть не до крови – и щёки горят румянцем.

Нимфоманка после бани!

Я поправляю сползшую с плеча футболку, собираю волосы в хвостик и ловлю себя на мысли, что ощущение внутреннего «Я» тоже изменилось. Словно кто-то тумблер переключил: щёлк, и вместо приличной – я бы даже сказала скучной – Дины очнулась совершенно незнакомая мне личность.

– Ну, здравствуй, мишка, – на пороге комнаты стоит ветеринарша, которая штопала меня в ипостаси медведя. – Или мне называть тебя пёсиком? – улыбается ехидно.

Не соврал Иваныч – врачиха шарит. Узнала меня.

– Привет, – улыбаюсь слабо. – Рад встрече.

– Ещё бы не рад! – хмыкает, ставит на журнальный столик сумку. – У тебя проблемы, медвежонок.

Отрываю голову от подушки и вытягиваю шею – высматриваю булочку в коридоре. В поле зрения её нет.

– Не так громко, доктор.

– Не надо стесняться, – она язвит, вынимая из сумки медицинские штуки. – Дина отмывает подъезд от крови. Мы наедине, – играет бровями. – Надо же так меня развести – пёсик у неё тут! – смеётся.

– Наверное, девочка подумала, что ты не поедешь к человеку.

– Зря. Но сейчас не об этом, – она задумчиво подбирает губы. – Тётя врач забыла дома упаковку с анестетиком. Будет больно.

– Да пофиг, – выдыхаю.

Я сегодня не первый раз слышу эту фразу, но к боли отношусь холодно. Потерплю.

– Значит, к Дианке яйца катишь, да? – ветеринарша готовит рану. – Ой, смотри-и-и! – грозит пальцем. – Обидишь девку – я тебя найду и кастрирую.

Огрызнуться я не успеваю – реально больно! Стиснув зубы, терплю, пока меня штопают. Вот сучка, а!

– Мать твою... – не выдерживаю.

– Дина – она как тётка её, Марина, – докторша болтает и шьёт. – Марина Николаевна, пардон, хозяйка фермы, куда тебя привезли. Короче, тётя и племянница – одного поля ягодки. Подбирают живность всякую, выхаживают.

– Я не всякая живность, – рычу.

– Это да. Ты редкий экземпляр – вас в мире всего несколько сотен осталось. Вымираете.

– А ты кастрировать меня хочешь, – цежу сквозь зубы.

– Это крайняя мера, – врач улыбается, обрезая нитки. – Хоспади, тут дел было на пять минут, а крови потерял... Ничего, восстановишься. Таблеток тебе выпишу. Вкусненьких, – подмигивает.

– Спасибо, – благодарю на выдохе. – Что я должен за работу?

– Сочтёмся, медвежонок. Когда поправишься. Звать-то как тебя?

– Если бы я знал... Не помню.

– Ой-ой-ой, – врачиха качает головой и пишет что-то на листочке. – Амнезия после травмы?

– Видимо.

– Я Тамара, если что. Номер свой на рецепте написала. Станет скучно – высылай денег. Приеду развеселю, – от обезоруживающей улыбки этой женщины меня контузит.

Я тоже улыбаюсь – стерва, конечно, но весёлая.

Тамара уходит, а я оглядываюсь. Уютно тут... Пахнет чистотой.

А хозяйка квартиры – настоящая зажигалочка. Я её только за руку взял, она вспыхнула. Глазёнки зелёные заблестели, щёчки зарумянились, и аромат её изменился: стал ещё вкуснее, слаще. Не согрел её полупокер в лосинах? По-любому – нет. С такими, как он, хорошо по клубам зажигать, остальное мимо.

Я растягиваюсь на диване и закрываю глаза. Надо бы закрепить позиции. Но как? Видимо, я не был мастером по части оболъщения женщин. Права булочка – у нас, у животных, всё просто. На инстинктах.

Глава 7

– Вот, возьмите, – я достаю из кошелька крупную купюру и протягиваю её ветеринарше.

– За мужика решила заплатить? – Тамара хмыкает. – Убери.

Стою, молчу, моргаю. Я хотела компенсировать свою ложь, но по факту – да, собралась заплатить за раненого гостя. Не задумывалась насколько это правильно... Пожалуй, правильно. Я доктора посреди ночи из дома выдернула, она тащилась через весь город, думая, что её тут ждёт собака.

– Возьмите, – я опускаю глаза в пол, – пожалуйста.

Тамара цокает и отодвигает от себя мою руку. Она встаёт лицом к зеркалу, делает вид, что поправляет макияж – которого в помине нет. На самом деле наблюдает за отражением своего пациента.

– Ты ведь знаешь, что мы с Михал Ивановичем давние друзья? – спрашивает тихо.

– Знаю, – я пожимаю плечами. – Он здесь причём?

– Сейчас Миша уважаемый человек, депутат, а прошлое у него тёмное. Как думаешь, много я в девяностые ветеринаром получала? Вообще не платили, – она поворачивается ко мне. – Зарабатывала я на таких вот пассажирах, – кивает на моего гостя. – Пули выковыривала, штопала. С Ивановичем мы так и познакомились. Среди того контингента редко

можно встретить нормального человека. Твой найдёныш, – она опять кивает на раненого, – нормальный мужик. Он сам со мной расплатится, когда оклемается. Поняла?

– Поняла, – киваю.

Мне даже немного стыдно становится, что деньги предложила.

– Подождите! – я окликаю Тамару, когда она шагает за порог. – Можно вопрос не по теме? – краснею, но мне нужен её ответ.

– Попробуй, – она хитро, улыбается.

Я выскальзываю в подъезд, прикрываю дверь:

– Вы уверены, что он... ну... нормальный? Мне страшно оставаться с ним вдвоём, а выгонять раненого в ночь как-то неловко.

– Не выгоняй, пусть переночует, а с утраца решишь.

– Что решу?

– Всё решишь, – доктор берёт меня под локоть. – У меня чуйка на порядочных мужчин, – подмигивает мне и идёт вниз по лестнице.

Угу, чуйка у неё и именно «на мужчин» – во множественном числе. Потому что живёт наша доктор сразу с двумя. Лет тридцать уже, наверное. Впрочем, они оба порядочные – с этим не поспоришь.

Я захожу домой и, запретив себе даже малипусенькую мысль о разврате, заглядываю в зал. Гость лежит на диване, глаза закрыты, дышит мерно – спит. Вот и замечательно.

Прикрыв дверь, на цыпочках иду в ванную. Надо коридор отмыть...

...Убираюсь до трёх часов ночи. Устала жёстко, ноги не держат. Мне завтра к первой паре в универ – встать рано. По-хорошему, я уже десятый сон должна видеть.

Быстро умываюсь и топаю к себе в комнату. Переодевшись в чистое, падаю на кровать – тело от усталости ноет, а сна ни в одном глазу. Блин! Как уснуть, когда в доме чужой человек? Да ещё такой... большой. Тамариной чуйке можно доверять, но...

Бойся своих желаний. Ужастик!

А у меня тут триллер – эротический. Героиня – дурочка, фантазирует на тему секса с незнакомым мужиком. У этого мужика, между прочим, рана от пули и памяти нет. Ему посочувствовать надо, но я мечтаю в штаны ему залезть.

Нет!

Не так я воспитана. Развратная девка, которая внезапно проснулась во мне, может идти к чёрту. Но без меня.

Встаю и топаю в кухню. В любой непонятной ситуации – пожри.

В холодильнике – грусть и тоска. Открываю морозилку, достаю кусок мяса, кладу в микроволновку на разморозку. Порежу, поджарю с лучком, а на гарнир макароншек отварю.

Я в последнее время часто питаюсь макаронными изделиями, их у меня десяток видов на любой вкус, и даже цвет-

ные есть. Это фигово для моей талии, особенно, если учесть, что я тяп-ляп хожу на стрип-пластику. Лишние килограммы прописались на боках и заднице.

Стою, разглядываю себя в отражении стекла балконной двери, и делается мне грустно. Завтра на стрип-пластику срочно! Как раз усиленное занятие будет. Отбарабаню от звонка до звонка и никаких лишних мыслей не допущу. Сосредоточусь на пилоне.

Я задираю футболку до груди, приспускаю домашние штаны – люблюсь целлюлитом и хнычу. Костик комплексовал, что смотрится рядом со мной слишком худым. М – мужская, л – логика. Типа не ему в качалку надо, а мне похудеть. Но килограмм пять мне надо скинуть по-любому.

– Ой, блин! – вскрикиваю, заметив в отражении мужской силуэт.

Красная, как варёный рак, я скорее возвращаю майку и штаны в позицию «прилично». Припёрся! Стучать не учили? Хм... некуда стучать. В кухне нет двери – арка.

– Не спится, стройняшка? – хриплым голосом спрашивает гость.

– Тебе, я вижу, тоже не до сна, – рычу, обхватив себя за плечи.

У меня по рукам мурашки, и это точно видно. Чёрт...

– Пахнет вкусно.

– Чем? – кошусь на микроволновку. – Я ещё ничего не готовила, мясо только размораживается.

Шкаф шагает к столу, деловито выдвигает венский стул и садится:

– Покормишь? – спрашивает, пожирая меня глазами.

– Если перестанешь на меня пялиться, – фыркаю и иду ставить воду для макарон.

Спагетти и мяса мне не жалко, просто настроение испортилось до отметки со знаком минус. Вот и рывкнула... Но мне уже стыдно.

Пока я вожусь у плиты, придумывая, как сгладить неловкую ситуацию, гость ставит кипятить чайник, находит в шкафчике заварку – чай нам готовит. Короче, чувствует себя как дома. Я удивлена, но молчу. Не хочу нарычать на него ещё раз.

– Может, дождёшься основное блюдо? – я не выдерживаю, когда раненый тянется через меня на полку, где стоит сахарница. – Сначала надо поесть, а потом пить чай, – разворачиваюсь и смотрю ему в глаза.

Мы снова близко. Ближе, чем стоило бы. Шкаф с лёгкой улыбкой на губах кивает и берёт сахарницу. Он идёт к столу, кладёт себе в чашку две ложки сахара и перемешивает.

Оглох, что ли?!

Бросаю нож, которым собиралась резать мясо, и иду к нему. Выдвигаю венский стул сажусь и... беру вторую чашку – ту, что для меня, пью чай. Без сахара.

– Ты всегда всё делаешь правильно, да? – мужчина продолжает едва заметно улыбаться.

– Нет. Что за глупости? С чего ты взял вообще?

– У тебя дома идеальный порядок.

Ага, везде, кроме гостиной, где я ещё не успела отмыть кровь...

– С твоим появлением здесь появился хаос, – сама не замечая, как начинаю улыбаться.

– Возможно, в прошлой жизни я был раздолбаем.

– Ты что-то вспомнил?

– Нет, просто предположил, – гость хмурится, смотрит в чашку.

– Ой... – прикусываю губу. – Я не спросила, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – пожимает плечами. – Утром свалю, если ты об этом.

– Я... Нет... То есть... мне надо будет уходить и... Но если хочешь... – слова растворяются в смятении.

– У меня утром тоже дела.

– Хорошо, – киваю.

Совсем не хочется, чтобы он уходил. И дело не в моём влечении...

Вспоминается наш Федя, и аналогию провести несложно. Всё начинается с беды, а закончиться может катастрофой. Куда он пойдёт? На улицу, естественно. Непросто найти работу, когда у тебя даже имени нет. Фёдор был в гораздо лучшем положении, чем мой гость, но неудача за неудачей его сломали. Если бы не Марина, не знаю, что бы с ним стало.

А сколько их таких – поломанных? На всех ангелов-хранителей не хватает.

– Попробуй вспомнить, как тебя зовут, – предлагаю шкафчику.

– Я пробовал, не получается, – улыбка пропадает с его губ. Сидит чернее тучи. – Как думаешь, какое имя мне подходит? – поднимает на меня глаза, полные надежды.

– М-м-м... Миша? Ты похож на медведя.

– Да? – хмыкает. – На какого-то конкретного медведя или вообще?

У меня чай встаёт поперёк горла, я кашляю. На вполне конкретного медведя. Но с чего такой вопрос?

– Всё нормально! – выставляю руки ладонками вперёд, останавливая человека-гору, который собирается «постучать» мне по спинке. – Я в порядке, – дышу, держась за шею. – Не в то горло пошло.

– Я что-то не то ляпнул? – спрашивает и так ехидненько улыбается.

Ощущение, что он сейчас скажет – я тот самый мишка, которого ты гладила на ферме. Нет, конечно – это из разряда моей любимой мистификации, как говорит тётя. Но, блин, похож! Глаза эти медовые, «медвежья» походка вразвалочку, и размеры у моего гостя нечеловеческие. А ещё... его тоже подстрелили. Правда, рана всего одна, а у нашего мишки их пять. Но один фиг – много совпадений...

Остановись, Дина, тебя уносит!

– Так, что насчёт имени? – я глотаю чай, пытаюсь уйти от навязчивых мыслей. – Михаил не подходит?

– Не думаю, что меня звали Миша, – шкаф тоже пьёт чай, думает. – Плохая примета носить чужое имя, но меня надо назвать. «Эй, ты» – не вариант.

– Значит, нужно придумать погремуху.

– Чо придумать? – он смотрит на меня, скривившись. – Погремуху?

– Ну да – погремуху, погоняло, кличку, – перечисляю синонимы. – Ник-нейм, ну!

– Да понял я, понял...

– Только такой, чтобы тебе подходил.

Снова хочется назвать его медведем, но это обязательно трансформируется в «мишку» и получится «плохая примета».

У меня ещё полкружки чая, и мне невкусно – не сладко. Сахар добавлять поздно – чай остыл, и я тянусь к баночке с мёдом, которая стоит на столе. Набираю ложку тягучей сладости, сую в рот, и меня осеняет:

– Мёд!

– Ага, давай, – гость тоже берёт чайную ложечку и тянется к банке.

– Нет, ты не понял! Это имя для тебя – Мёд, – радостно тарашу на него глаза.

– А что, мне нравится, – щетинистые щёки растягиваются от улыбки. – Люблю сладенькое.

Речь о пчелопродукте, но глазами он почему-то меня облизывает...

Радостное выражение стекает с моего горящего от смущения лица – расплавилось нафиг. Я за всю жизнь столько не краснела, как последние часов шесть.

Не надо на меня так смотреть, мужчина!

– Так... Тебя устраивает псевдоним? – я подрываюсь из-за стола, иду к плите.

– Вполне, – довольно соглашается мой раненый гость. – А тебе нравится?

– Нравится, – бурчу, стараясь держать себя в руках.

– Тогда можно я буду называть тебя – булочка?

Бабах нахрен!

Резко разворачиваюсь к новоиспечённому Мёду, сжимая в руке кухонный нож.

– Что ты сказал?! – моя шея вытягивается.

– Да я... это... Ты кругленькая такая...

– Лучше тебе заткнуться! – делаю шаг к нему, жестикулирую, а выходит, что трясу ножом.

– Спать пойду, – он быстро встаёт и уходит в зал.

А я остаюсь в кухне пыхтеть, как маленький чайник. Булочка! У меня есть несколько лишних килограмм, но я точно не похожа на булочку!

Разворачиваюсь к плите, швыряю нож в раковину и нервно вытаскиваю из пачки горсть спагетти. Сую их в кипящую воду и...

Никаких больше макарон! Достаяю из шкафчика запасы и утрамбовываю их в мусорное ведро. Вообще ничего мучного в рот не возьму теперь. Ни кусочечка! На стрип-пластику как на работу – в обязательном порядке, и ещё в качалку запишусь, и в бассейн.

Выключаю плиту, прячу мясо обратно в морозилку. Аппетит пропал, и я очень надеюсь, что это надолго.

Глава 8

Полежать пять минуточек было плохой идеей. Смотрю на экран своего телефона и глазам не верю – половина десятого утра! Как так-то?! Не поспала – моргнула, а первая пара – прогул.

Чертыхаясь, я быстро встаю с кровати, достаю из шкафа платье и несусь в ванную. Чищу зубы и вспоминаю, что я сегодня не одна. Раненый гость с перепуга из головы вылетел. Надо срочно его будить. Мне из дома выходить через десять минут!

Во рту – зубная щётка, в руках – полотенце, я врываюсь в зал. Диван пуст. Мёда в комнате нет. Хм...

Проверяю кухню – пусто, дёргаю дверь туалета – не заперто, темно, на всякий случай заглядываю в спальни – гостя там нет.

Входная дверь у меня захлопывается! Я быстро щёлкаю замком – может, он зачем-нибудь вышел в подъезд и не смог вернуться?

– Мёд! – кричу, а в ответ – тишина.

Я возвращаюсь в квартиру и с круглыми глазами начинаю носиться по комнатам – ищу, что пропало. А ничего не пропало. Даже деньги в кошельке, который лежит в прихожей на самом видном месте, целы. Нет только спортивной сумки Мёда. Как и его бейсболки, и кроссовок...

Он не вор. Он просто ушёл.

Я плюхаюсь на пуфик в коридоре, под горлом стоит мерзкий комок обиды. Собрался, пока я спала, и свалил – даже не попрощался. Хотя обижаться я должна только на себя. Ночью повела себя, как ненормальная – орала, ножом кухонным размахивала. И всё из-за какой-то невинной «булочки». Сейчас это прозвище кажется даже милым, но вчера... Наверное, Мёд подумал, что я дура неадекватная, и сбежал от греха подальше.

Чую – сейчас разревусь. Ни шанса истерике!

Иду в ванную, ставлю под кран ведро – буду отмывать гостиную. В универ идти расхотелось. Точнее, мне туда никогда не хочется, едва не за волосы каждое буднее утро тащу себя на пары. Это мама моя хотела в молодости изучать право и стать прокурором...

Короче! Хватит себя жалеть.

Иду в зал – скатываю белый в кровавую крапинку коврик. Его придётся отнести в химчистку – сама я точно не справлюсь. Пшикаю на кожаный диван моющим средством и беру за мытьё пола. Бытовой фитнес с утра успокаивает, заряжает энергией и... не даёт превратиться в «булочку».

Я всхлипываю и сажусь в кресло. Ну почему Мёд ушёл вот так – тихо, не сказав мне ни слова?.. Почему?!

Вполне вероятно, что мы с ним больше никогда не увидимся. Я не знаю настоящего имени этого мужчины, у меня нет номера его телефона... От осознания очевидного факта

становится горько.

Дина – сама себе Буратино.

Всё так и будет, пока я не стану самодостаточной личностью без комплексов. Если это случится, из моей жизни исчезнут Костики и мамыны хотелки, а нормальные мужчины перестанут от меня сбегать. Я никогда не бредила отношениями, но сейчас хочется, чтобы у меня появился парень. Не тупой упырь, как Костик, а такой, чтобы уважал, ценил, любил... меня.

М-да, походу пора топтать в магазин за губозакатывательным станком.

Вытираю слёзы и иду искать телефон – позвоню тёте, пусть чётко обозначит фронт работ с договорами, которые висят у меня на мейле. Раз уж я не иду на пары, надо себя чем-то нагрузить до вечера. Чтобы не думать.

– Доброе утро, тетя Марин, – я всё ещё хлюпаю носом.

– Что-то срочное? – недружелюбно отзывается она.

– Нет, я...

– Тогда давай потом, – тётушка сильно нервничает.

– Что случилось? – у меня в груди холодеет, понятно – случилось, и серьёзное.

– Медведь пропал.

– Что?.. Как?! Боже... Надо искать, да?

– Уже. Я Мишу в пять утра подняла, а он все службы, которые только можно. Вон, вертолёт кружит, – я слышу на заднем фоне звук работающих лопастей. – Но пока безре-

зультатно.

– Как же так? – я выдыхаю. – Он ведь раненый, не мог далеко уйти.

– Я тебе больше скажу, Дин – он вообще не мог уйти. Мистика! Клетка была открыта ключом, ключ всю ночь висел у баб Маши в коморке на стене. Никто не брал его – это точно. По записям камеры на проходной не видно, чтобы кто-то входил или выходил с фермы. Забор цел.

– А Федя?

– Федя с жеребёнком полночи нянчился. Только в четыре часа увидел, что клетка с мишкой пустая стоит.

– Может, он где-то на территории прячется? – у меня ещё теплится надежда на лучшее.

– Всё тут обыскали – нет его. Медведь – не хомяк, знаешь ли, – слышно, что тётя очень расстроена. – Ой, у меня вторая линия!

– Позвоните, когда... Когда мишка найдётся.

Но тётя Марина меня не слышит – она уже говорит по другой линии, а мне в ухо врзается мелодия.

Просто утро неприятных сюрпризов какое-то! Страшно, что днём будет.

С медведем ничего не ясно. Как он так пропал? И правда – мистика. Но от этого не легче. Я серьёзно переживаю за зверя: пять пулевых, швы – и вдруг пропал. Он в лесу не выживет в таком состоянии.

Мне снова хочется плакать, но со слезами явный перебор

за сутки. Я так в истеричку превращусь. Надо успокоительное выпить и браться за дела, чтобы не думать...

Я свалил по-тихому – не хотел будить Диану. Она сладко спала, а я... Не знал, что ей сказать. Ночью облажался по-крупному с «булочкой» этой. Не думал, что Дина так отреагирует. Как я должен был догадаться, что красотка с охренительной фигурой комплексует по поводу лишнего веса?

Короче, надо срочно добыть букет и вечером бежать извиняться. Приду к ней, встану на одно колено – буду умолять о прощении. Надеюсь, госпожа Удача не станет светить передо мной голой задницей, и мне повезёт.

Ядвигаюсь в сторону магазинчика, где вчера на двери видел объявление с вакансией. Там сказано, что оплата почасовая – это то, что нужно. Поработаю, а вечером карман согреет пусть небольшая, но сумма денег. На цветы должно хватить. И пожрать бы...

Первый облом ждёт меня, потирая руки. Вакансия занята, а бумажку с объявлением тупо забыли снять с двери.

И что делать?

Деньги мне нужны «вчера», документов нет. Всё, что я могу – искать калымы с почасовой оплатой, но здесь, похоже, такой труд не востребован. Я уже три часа ношусь по городу, захожу в заведения, спрашиваю, а ответ получаю один – «Не требуется».

Если так пойдёт дальше, я до зимы точно не отожрусь. Да

что там – отожрись... Мне, блин, спать негде! И это проблема. Потому что сегодня утром уже гораздо холоднее, чем было вчера ночью.

Шагаю хрен знает куда – лицо скрыто козырьком бейсболки. Не знаю почему, но я уверен – светить рожей не стоит. Всё, что у меня есть – имя. Мёд – звучит неплохо и отторжения не вызывает. Спасибо девочке с зелёными глазами.

Пожалуй, букетом тут не обойдёшься...

Сажусь на лавку в каком-то сквере, с неба накрапывает прохладный дождь, мимо проносятся машины, а я в шаге от того, чтобы попросить у прохожих телефон, чтобы позвонить. В кармане у меня визитка Иваныча. Вот кто может помочь решить проблемы – с документами, с работой.

Не нравится он мне! Мужик с портаками и золотым зубом изображает из себя фею-крёстную. Я не Золушка ни хрена.

Поднимаю глаза и читаю на вывеске – «У Арама». Кафешка второсортная. Я её сразу не заметил. А зря. В таких местах не требуют документы при устройстве на работу. Пойду попытаю счастья.

Захожу внутрь и вижу хозяина кафехи. У Арама есть бейджик с именем и должностью, но нет хорошего настроения – он орёт на кого-то по телефону. Судя по всему, этот кто-то работает у пузатого армянина. Я сажусь за столик ждать, когда Арам закончит кричать на подчинённого. Из обрывков его фраз несложно понять, что работник собрался в отпуск.

– Э-э! Гюля, обслужи гостя, э-э! – орёт он.

Смотрю на армянина и мотаю головой – не гость я. Он оказывается на редкость пронизательным. Быстро завершает звонок и, остановив «Гюлю» на подлёте, садится за столик напротив меня.

– Здравствуй, дорогой. Слюшаю тэбэ, – акцент у него убийственно канонный.

Я тоже здороваюсь и излагаю суть коротко и сразу предупреждаю, что я без документов. Армянин гнёт густую бровь, трёт пухлыми пальцами подбородок и молчит. Я, измученный утренними неудачами, сижу как на иголках. Ара, давай, соображай быстрее! Нет – так я дальше пойду.

– Ну? – не выдерживаю.

– Я Арам, директор этого кафэ, – он явно гордится тошниковкой. – Как тэбэ звать?

– Мёд, – представляюсь и ещё раз мысленно благодарю Дину за имя.

– Мёд-джан, есть работа, но на нэдэля всего.

– Что делать?

– Барашэк бить. Умэешь?

Фиг знает. А вот Араму об этом знать не надо. Разберусь как-нибудь.

– Умею, – вру нагло.

– Э-э-э, по-братски, Мёд-джан! – радуется армянин. – По-едэш ко минэ в дом, жить комната будеш. Нэдэлю быёшь барашэк, я тэбэ дэсят тысяч дам.

Да не вопрос!

Арам оказывается не только проницательным, но и резким. Полчаса, и я уже еду в машине с его братом куда-то за город.

Хреново, что с букетом и коленом придётся отложить на семь дней, но другого шанса заработать десятку за неделю может не подвернуться.

Чувствую себя призывником, который уходит в армию. Дождись меня, булочка!

Стою в раздевалке, смотрю на себя в зеркало. Одежда, в которой я занимаюсь танцами, достаточно откровенная, но не пошлая: короткие шорты, закрытая футболка и чулки – всё неизменно в чёрной гамме. Чёрный стройнит... Может, поэтому я сейчас не кажусь себе толстой? А ещё есть стрипы – туфли для танцев на высоченных каблуках и платформе. Они делают меня визуально тоньше. На первый взгляд, в стрипах даже ходить нереально, но всё дело в опыте. Месяц, и уже не чувствуешь никакого дискомфорта.

Хм... Или дело не в одежде? Фигура у меня вроде нормальная. Ладно, пора переодеваться. Время поджимает.

Я стягиваю с себя влажную после занятий одежду – устала. День получился насыщенным.

Упёрла коврик в химчистку, вернулась домой и села за договоры, которые мне скинула тётя – там жесь. Кто и зачем их составлял – непонятно, в них вообще ничего не понятно. Пришлось перекраивать. Просидела я за ноутом до вечера, а

потом прибежала сюда – на стрип-пластику. Сначала оттанцевала общее занятие, а за ним индивидуалку. Сейчас при му душ и бегом в химчистку – ковёр забирать, пока она не закрылась.

– Дин, ты тут? – в раздевалку заглядывает наша преподавательница Ира.

– Ага, здесь я! – поднимаю руку над шкафчиком, чтобы меня было видно.

– Поговорить с тобой хотела, – Ира присаживается на лавочку. – Как ты смотришь на то, чтобы годик поработать в Китае?

Я?! Не думала, что мне предложат.

– У меня программы нет, – я надеваю банный халат и сажусь рядом с Ириной.

– Сделаем тебе программу. Это как раз не проблема.

Из нашей группы две девочки ездили в Китай работать на год и возвращались с хорошей суммой. Наниматели – небольшие заведения, бары или вроде того. В Китае любят экзотику – хавают всё, главное, чтобы исполняли иностранцы. В заведении по понедельникам могут танцевать «народники», по вторникам «балльники», например. Русские в такие места тоже ходят – ностальгия по родине.

– Не знаю... – выдыхаю задумчиво.

– Ты что, боишься? – Ира поднимает брови. – Дин, ты восемь месяцев занимаешься у меня и прекрасно знаешь, что я девочек абы куда не отправлю. Всё прилично – официальный

договор, жильё, зарплата, – она достаёт из кармана спортивных штанов маленький блокнот и ручку, пишет цифры и показывает мне. – Это за год.

Впечатляет!

Стрип-пластика – не стриптиз. Акробатика, имитирующая эротический танец – никакого обнажения. И мы точно так же, как «народники» и «балльники», пользуемся спросом в приличных заведениях за границей, куда гости не подрочить приходят – отдохнуть нормально. Да, не опера-баллет, и понятно, что на звание народных артистов мы не претендуем, но и ничего страшного в такой работе нет. Возможно, кто-то позволяет себе лишнее в поездке, но это точно – дело личное, без принуждения, рабства и прочей мути. Ире я доверяю, а видосы из Китая есть у девчонок в соцсетях – я смотрела, как и что. Только не думала, что мне предложат поехать. Я – коровка в стрипах, а тут на сцену за приличный гонорар.

– Я не боюсь, – оживаю после минутного молчания. – Просто не уверена в себе.

– Почему? – Ирина хлопает ресницами, смотрит на меня с непониманием. – Базу ты освоила, импровизация у тебя на хорошем уровне. В чём проблема?

Эм-м... В универе? Мама мне на заочку не разрешает переводиться, а тут академ брать надо. И вообще – мама... Она думает, что я хожу на йогу. Я при ней даже коврик с собой беру, когда на стрип-пластику иду. Поездка в Китай на год

– это серьёзно, правду сказать придётся, как ни крути. Убедить её, что я не шлюха, будет непросто. Да что уж – нереально это.

– Можно подумать? – пытаюсь отмазаться, зная, Ира с меня сейчас не слезет.

– Кончено, – кивает. – Время есть, хоть и не так много. Взвесь всё, посоветуйся с родными, с парнем своим. Он, кстати, может с тобой поехать. У Лизы мальчик так ездил. Она танцевала, а он там где-то подрабатывал. Заранее нашёл место.

Ха-ха... Без комментариев и про маму, и про парня.

Ира уходит, а я сижу на лавочке и кусаю губы. Не знаю как быть. Предложение заманчивое. Можно хорошо заработать за этот год, а деньги мне нужны. Я хочу отпочковаться от мамы, начать взрослую жизнь. Но...

Боже, Дина, какая ты всё же тряпка!

Глава 9

Пять дней спустя

Я иду по обочине трассы, у меня в кармане пять тысяч деревянных рублей. Почему не десять? Потому что почти неделю «барашэк рэзал», а сегодня – в пятницу – выяснилось, что недостаточно хорошо я это делал. Арам решил заплатить мне только пятьдесят процентов от обещанного. А я решил, что идёт оно всё – забрал деньги и свалил.

Работа мне, мягко говоря, не понравилась. Я зверь. Я понимаю, что такое добывать пищу – охотиться, выслеживать, убивать. Но прийти в сарай и завалить животину, у которой других вариантов, кроме как угодить в лагман, нет – это ту-по.

И вообще я соскучился по Диане. Сегодня утром глаза открыл, а мысли о ней – до трясучки увидеть захотелось зеленоглазую девочку. Надеюсь, она тоже не против со мной встретиться... Но до города ещё топать и топать – хорошо бы дотемна успеть. Иначе придётся ночевать в подъезде – не ломиться же к ней посреди ночи с букетом.

Кстати, букет купить надо!

Прибавляю шаг, но через пару десятков метров понимаю, что хоть бегом бежать буду, язык на плечо закинув – не успею. Хорошо если к полуночи в город приду. Надо ловить попутку, но с ними не очень. Мимо меня проехала одна ма-

шина, полчаса назад. И тишина...

Что за дорога такая проклятая? Никому никуда по ней не надо?

Слышу за спиной рычание мотора. Оборачиваюсь – с горы несётся какая-то тачка. Скорость приличная, вряд ли остановится. Без особой надежды я выставляю руку с оттопыренным большим пальцем – «постой, паровоз». Авто пронесётся мимо меня и... притормаживая, сворачивает на обочину.

Щурюсь, пытаюсь разглядеть в сумерках «зад» машины – номер кажется мне знакомым. Марку этой красотки я знаю и даже катался на точно такой же недавно. Чёрт, на ней и катался!

– Доброго, – я заглядываю в открытое окно пассажирской двери. – До города не подбросишь?

– Подброшу, чего нет? – Михаил Иванович ухмыляется.

Сажусь, а на душе гадко почему-то. Не нравится он мне. Ой не нравится!

– Тороплюсь, – я достаю из кармана тысячу, протягиваю «фее-крёстной». – До цветочного доведи... пожалуйста.

Иваныч косится на тысячу, как на кусок говна, потом переводит взгляд на меня – в нём ничего не меняется:

– Бабки убери, – кривится, врубает радио громче и топит тапку в пол.

Едем молча, под бластные аккорды не менее бластного радио. Почему мне так везёт на этого добродетеля? А чёрт его знает, но гадостные душевные ощущения стоит потерпеть.

Зато успею купить букет и к Дине приду не за полночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.